

A movie poster for the film 'Ольга Ривчи'. The central image shows a man with dark hair and a beard, wearing a dark jacket over a white shirt, holding a black umbrella. A woman with long, wavy blonde hair, wearing a red dress and a tan coat, is standing in front of him, holding a large, fluffy orange cat. She is also holding a small key. In the background, there are other people: a woman in a purple coat looking surprised, and two women in the distance, one holding a smartphone. The setting is a city street at night with warm lights and a bridge in the background.

*Ольга
Ривчи*

Осень не прощает
РАЗВОД

#РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Ольга Риви

Развод. Осень не прощает

<https://litres.ru/74631489>

SelfPub; 2026

Аннотация

В начале сентября Вера Лаврова узнаёт, что любимый когда-то муж подделал её подпись, чтобы продать квартиру погибших родителей, расплатиться с долгами своей семьи и окончательно превратить жену в бесплатную прислугу. Единственным, кто срывает сделку, становится жёсткий Андрей Северин — давний враг её мужа. Пока супруг-нарцисс, его властная мать и избалованная «сестра» ведут войну за имущество и репутацию Веры, ей предстоит раскрыть семейную тайну, возненавидеть обоих мужчин за попытки рушить её жизнь и понять, что настоящая любовь не решает за счёт женщины свои проблемы, а возвращает её к жизни.

Это история о том, как женщина возвращает себе голос, дом и право быть счастливой.

Вас ждут: ядовитая свекровь с не менее дурной дочерью, тайны мужа, сухие реплики Андрея Северина и первый снег над Чистыми прудами.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Ольга Риви

Развод. Осень не прощает

Глава

Развод. Осень не прощает

Глава 1

Дождь начался ровно в тот момент, когда я вытащила из духовки утку.

Он не моросил и не собирался деликатно предупредить о себе. Вода сразу хлынула по стёклам, спрятала Чистые пруды за серой пеленой и забарабанила по карнизу так, будто требовала открыть. Но её не приглашали. В другой вечер я бы заварила чай, села у окна и решила, что Москва осенью умеет быть красивой. Но сегодня через сорок минут должны были прийти гости, а значит, вместе с ними в квартиру войдёт недовольное лицо мужа и Лариса Аркадьевна. Великая женщина этой семьи, как на сама себя считает. Моя свекровь никогда не отличалась скромностью.

Я поставила противень на плиту и посмотрела на утку. Та выглядела так, словно умерла второй раз, но теперь уже от

стыда. Яблоки я забыла купить, поэтому набила её черносливом, найденным в дальнем углу шкафа. Срок годности на упаковке стёрся, а может он просто на моей стороне и чернослив сегодня всех накажет.

Впрочем, Лариса Аркадьевна всё равно скажет, что мясо сухое. Она говорила это даже тогда, когда отбивная плавала в соусе и её можно было пить через трубочку. А значит, что мне уже терять нечего. Праздник испорчен не начавшись.

— Вера! — крикнул Кирилл из гостиной. — Ты там скоро? Гости будут через двадцать минут.

Я посмотрела на часы. До назначенного времени оставалось сорок две минуты, но Кирилл всегда округлял время в сторону катастрофы. Если поезд отправлялся в восемь, мы приезжали на вокзал в шесть и два часа наблюдали, как другие люди живут нормальной жизнью.

— Всё почти готово. Осталось салат заправить и утку переложить.

Кирилл появился в дверях кухни, окинул меня взглядом. Задержался на фартуке, испачканном маринадом.

— Тогда иди переоденься. И причешись, пожалуйста. Ты выглядишь уставшей.

— Я и есть уставшая. Это иногда случается с человеком, который весь день работал, а потом готовил.

— Только не начинай, Вер. Я просто хочу, чтобы ты хорошо выглядела.

Он улыбнулся и ушёл, а я посмотрела на своё отражение

в тёмном стекле духовки. Красное лицо, выбившаяся прядь, пятно на щеке. Возможно, Кирилл был прав. Он вообще часто оказывался прав, по крайней мере, после разговора с ним мне начинало так казаться.

Через полчаса я стояла перед зеркалом в сером платье. Строгом, спокойном, одобренном мужем и свекровью. В нём было удобно сидеть прямо, подавать ужин и не привлекать внимания. Платье для женщины, у которой всё хорошо и нет вопросов.

В дверь позвонили.

Лариса Аркадьевна не вошла, а всплыла в прихожую вместе с запахом дорогих духов и уверенностью, что ей здесь всё принадлежит. Она протянула мне плащ, даже не поздоровавшись, и оглядела стены с выражением приглашённого эксперта по чужим недостаткам.

— Ну наконец-то. Я уже решила, что вы переехали и забыли сообщить родной матери.

— Мы никуда не переезжаем, — ответила я, вешая плащ.

— Это пока, — произнесла она с такой улыбкой, будто знала номер выигрышного билета и не собиралась делиться.

Следом вошла Кира. Она стряхнула капли с волос прямо на зеркало, прошла в гостиную, не сняв мокрых кроссовок, и устроилась на диване, вытянув ноги на светлый ковёр.

— У вас здесь ужасно темно, — сообщила она, проверяя себя на экране телефона. — Для сторис вообще не подходит. Лицо сразу какое-то уставшее. Одним словом, мрак!

— Могу включить верхний свет. Тогда будет видно ещё и мокрые следы от твоих кроссовок. Нахалка!

Кира опустила телефон, посмотрела на ковёр и снова подняла его.

— Потом вытрется. Не драматизируй.

— Конечно. Ковёр ведь сам справится. Он уже взрослый, в отличие от тебя.

Она не поняла, шучу я или нет, и решила не рисковать ответом. Вместо этого включила камеру и направила её на меня.

— Улыбнись. Я снимаю семейный вечер. Ты же не хочешь выглядеть так, будто тебя заставили?

Я улыбнулась. Судя по тому, как Кира нахмурилась, получилось слишком правдоподобно.

— Ма-ма! — протянула Кира и надула губки.

Но мать не обратила на неё внимание, у неё была миссия по важнее.

Лариса Аркадьевна тем временем дошла до полки с фотографиями и взяла рамку с моих родителей. На снимке мама смеялась, запрокинув голову, а отец смотрел на неё так, словно больше никого рядом не существовало. Рамку я не меняла с тех пор, как их не стало. На углу появилась трещина, но выбросить её я не могла.

— Это нужно переставить, — заявила свекровь, разворачивая фотографию. — У тебя родители смотрят в разные стороны. Для семейной энергетики это очень плохо.

Я подошла и забрала рамку из её рук.

— Пусть смотрят куда хотят. Они при жизни достаточно выслушали советов.

— Я ведь помочь пытаюсь, Вера, — обиделась она. — Но ты любую заботу воспринимаешь в штыки. Потом не удивляйся, если в доме начнутся проблемы.

— Если начнутся, сначала переставим утку. Она тоже лежит не по фэншую.

Лариса Аркадьевна поджала губы. Я вернула фотографию на место и заметила, как мама из рамки будто бы одобрительно мне улыбнулась.

В этот момент из прихожей донёсся оживлённый голос Кирилла:

— А вот и наш гость! Проходи, Андрей, не стой на пороге. Я обернулась.

Мужчина в дверях был высоким, широкоплечим и явно недовольным дождём. С тёмных волос стекали капли, пальто промокло на плечах. Он снял его, передал Кириллу и посмотрел на меня внимательно, без дежурной улыбки. Так врач смотрит на снимок, где уже заметил что-то нехорошее, но пока не решил, стоит ли сообщать пациенту.

— Андрей Северин, — представился он и протянул руку. — Мы с Кириллом давно знакомы.

— Кирилл сказал, что вы партнёры.

— Это его версия.

На секунду в его глазах мелькнула насмешка. Кирилл рас- смеялся громче, чем требовалось, и хлопнул гостя по плечу.

— Не обращай внимания, Вер. У Андрея своеобразное чувство юмора.

— Зато короткое, — ответил тот.

Я пожала его руку. Ладонь у него была холодной после улицы, а рукопожатие осторожным, словно он боялся причинить боль. Его большая рука касалась моей, словно она бабочка на цветке, а не рука взрослой женщины, вовсе. Это почему-то удивило меня сильнее, чем его резкость.

За столом Лариса Аркадьевна изображала женщину, ко- торая любит невестку и никогда не проверяет пыль на верх- них полках. Она похвалила салат, хотя терпеть не могла рук- колу, и промолчала об утке. При посторонних у неё всегда включалась улучшенная версия самой себя.

Кира снимала какие-то видео и проникновенно рассказы- вала подписчикам, что семейные ужины — это святое. По- том пять минут выбирала фильтр, при котором мы выгляде- ли моложе, а утка более съедобней. Лицемерие так и било через край. Кто же этот Андрей, перед которым так стара- лась моя недобрая половина семьи?

— Может, хотя бы за столом уберёшь телефон? — попросила я.

— Я работаю, — возмутилась она. — Ты думаешь, контент сам появляется?

— Судя по содержанию, иногда да.

Андрей опустил взгляд в тарелку, но я заметила, как дрогнул уголок его рта.

Кирилл поднял бокал и обвёл нас довольным взглядом.

— Предлагаю выпить за семью. За взаимное доверие и за то, что мы всегда умеем договориться, даже если возникают трудности.

Я тоже подняла бокал. В этот момент умная колонка, которую мы купили полгода назад и так и не научились понимать, ожила.

— Включаю свадебный марш, — бодро объявила она.

По гостиной разнеслись первые аккорды Мендельсона.

Кира захихикала и немедленно навела камеру на нас. Лариса Аркадьевна вздрогнула так, будто колонка объявила воздушную тревогу.

— Вера, что у тебя за техника? Почему она всё время делает что хочет?

— Наверное, берёт пример с вас, — пробормотала я, пытаясь выключить музыку через приложение.

— Что ты сказала?

— Говорю, решила напомнить нам о счастливом дне.

Музыка оборвалась на особенно торжественной ноте. Ки-

рилл бросил на меня предупреждающий взгляд, а Андрей слегка прищурился. Он единственный не смеялся. Более того, мне показалось, он понял, что я тоже не нахожу происходящее забавным.

— Ладно, — сказал Кирилл, отставляя бокал. — Раз уж мы собрались, перейдём к делу.

Он достал из тумбы синюю папку и положил её рядом с тарелками. Я сразу узнала папку, ведь она несколько дней лежала у него в кабинете. Вчера, когда я спросила, что там, Кирилл ответил, что там рабочие бумаги.

— Есть отличная новость, — продолжил он. — Мы наконец продаём эту квартиру.

Я решила, что ослышалась. За окном шумел дождь, Кира что-то шептала в телефон, Лариса Аркадьевна поправляла салфетку. Все вели себя так, будто речь шла о покупке нового чайника.

— Что мы делаем? — переспросила я.

Кирилл улыбнулся, но в его глазах появилось знакомое раздражение.

— Продаём квартиру, Вер. Мы же это обсуждали.

— Нет, не обсуждали.

— Обсуждали, просто ты забыла. В последнее время ты рассеянная. Я тебе ещё предлагал витамины купить, но ты упёрлась.

— Про витамины помню. Про продажу квартиры — нет.

— Только не устраивай сцену при гостях, — попросил он

тихо, всё ещё улыбаясь. — Мы всё решили.

— Интересно, кто именно входит в это «мы»?

Я посмотрела на Андрея. Он не отвёл взгляда.

— Вы покупатель? — спросила я.

— Да, — ответил он после короткой паузы. — Сделка подготовлена, деньги зависли на балансе банка. Я считал, что условия согласованы с обоими собственниками.

— Со мной никто ничего не согласовывал.

Улыбка исчезла с лица Кирилла.

— Вера, прекрати. Ты сама подписала документы.

— Покажи.

— Сейчас не время.

— Наоборот. По-моему, время выбрано идеально. Вся семья в сборе, свадебный марш уже прозвучал. Пришло время и документы показать.

Кира хихикнула, но осеклась, когда Кирилл посмотрел на неё. Он открыл папку и подвинул ко мне договор. Я взяла листы, пробежала глазами по сумме, реквизитам, паспортным данным и увидела внизу свою фамилию.

Рядом стояла подпись.

Почти моя.

Я наклонилась ближе. В собственной подписи я всегда делала петлю на букве «р». Глупая привычка появилась ещё в университете, когда мы с однокурсницей соревновались, у кого подпись будет солиднее. У неё получалась подпись директора банка, у меня кардиограмма испуганного хомяка. Но

петля оставалась неизменной.

Здесь её не было.

— Я этого не подписывала.

Лариса Аркадьевна шумно вдохнула и прижала ладонь к груди.

— Вера, что ты такое говоришь? Вот же твоя подпись! Не нужно позорить Кирилла перед деловым человеком.

— У меня петля на «р», а здесь её нет.

— Какая ещё петля? — свекровь придвинулась к документу. — Обычная подпись. У меня тоже каждый раз разная, я же не устраиваю расследование.

— Это многое объясняет, — заметила я.

Кирилл тяжело вздохнул, словно я была трудным ребёнком, который отказывался надевать шапку.

— Ты устала и накрутила себя. Я сидел рядом, когда ты подписывала бумаги.

— То есть ты видел, как я подписываю договор, о котором ничего не знаю?

— Ты знала, просто сейчас не помнишь.

Он произнёс это спокойно, почти ласково. И от его тона мне стало страшнее, чем если бы он закричал. На несколько секунд я действительно усомнилась в себе. Может, он приносил какие-то бумаги? Может, я подписала их между счётами и заявлениями? Может, он объяснял, а я слушала невнимательно?

Потом я снова посмотрела на подпись без петли.

— Нет, Кирилл. Я не забыла.

— Можно взглянуть? — Андрей протянул руку.

Я передала ему договор. Он не стал сразу разглядывать подпись, а посмотрел на меня.

— Вера, вы хотите продать эту квартиру?

— Нет.

— Вы уверены, что не давали согласия?

— Уверена.

Он закрыл папку и придвинул её к Кириллу.

— Тогда сделки не будет.

Неловкая тишина обрушилась на гостиную. Кирилл медленно повернулся к Андрею.

— Ты сейчас серьёзно? Подготовлены документы, банк согласовал аккредитив, мы потратили время.

— И всё это не имеет значения, если собственник не согласен.

— Она согласна. Просто у неё сегодня неудачный день.

— У меня нормальный день, — вмешалась я. — Неудачный он только для вашей сделки.

Андрей снова посмотрел на меня, и теперь в его взгляде появилось одобрение.

Кирилл сжал челюсть.

— Вера не в себе. Такое бывает, когда она нервничает.

— Она выглядит вполне в себе, — сухо ответил Андрей.

— И говорит довольно ясно.

— Мальчики, не нужно ссориться! — Лариса Аркадьевна

подняла руки, будто разнимала двух боксёров. — Это семейное недоразумение. Вера перенервничала из-за ужина. Она всегда становится чувствительной перед праздниками.

— Перед какими праздниками? — спросил Андрей.

— Перед годовщиной! — выпалила Кира, снова оживившись. — У них годовщина свадьбы. Я как раз делаю серию сторис про настоящую любовь.

— Кира, выключи телефон, — процедил сквозь зубы Кирилл.

— Уже выключила. Почти.

Андрей перевёл взгляд на меня.

— Поздравляю с годовщиной, — сказал он без улыбки.

Я хотела ответить, но под столом пальцы Кирилла сомкнулись на моём запястье. Не резко, без внешней суеты, со стороны можно было решить, что муж ласково взял жену за руку. Только большой палец давил прямо на кость.

— Улыбнись, — прошептал он, продолжая смотреть на Андрея.

Я попыталась высвободить руку, но Кирилл сжал сильнее. В глазах зашипало от боли и унижения. Он делал это при всех и был уверен, что никто не заметит. Как обычно.

Андрей заметил.

Он посмотрел вниз, затем спокойно протянул руку, накрыл запястье Кирилла ладонью и без резкого движения отвёл его пальцы от моей руки.

— Отпустите её.

Кирилл отдёрнул ладонь.

— Ты что себе позволяешь?

— Ничего особенного. Просто напоминаю, что за столом сидят люди.

— Это моя жена.

Андрей чуть наклонил голову.

— Я заметил, но это не ответ.

Они смотрели друг на друга через стол. У Кирилла на лице ещё держалась улыбка, хотя глаза уже потемнели от ярости. Андрей оставался спокойным, но в его спокойствии чувствовалось не равнодушие, а усилие. Будто он очень хорошо знал, что может сделать, и сознательно этого не делал.

Первым взгляд отвёл Кирилл.

— Похоже, деловой разговор окончен.

— Похоже, он и не начинался, — ответил Андрей и поднялся. — Спасибо за ужин, Вера.

— Утка сухая, — зачем-то сказала я.

Он взглянул на почти пустую тарелку.

— Я ел и хуже.

— Какая сдержанная похвала.

— Я старался.

На этот раз он почти улыбнулся. Потом надел пальто, коротко кивнул мне и вышел. Дверь в прихожей закрылась без хлопка, и это почему-то подействовало на всех сильнее, чем если бы он ушёл со скандалом.

— Что это сейчас было? — первой пришла в себя Лариса Аркадьевна. — Вера, ты довольна? Ты унизила мужа и сорвала сделку!

Я потёрла запястье. На коже уже проступали красные следы.

— Я не хочу продавать квартиру.

— А чего ты хочешь? — спросил Кирилл.

Голос у него снова стал тихим и почти ласковым. От этой перемены меня передёрнуло.

— Развалить всё? Остаться одной в старой квартире? Ты вообще представляешь, сколько она требует денег? Ремонт, счета, налоги. Кто со всем этим будет разбираться, ты что ли?

— Представь себе. Я много чего могу.

— Вера, не смейся меня. Ты даже утку без списка продуктов приготовить не можешь.

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что он произнёс это не в раздражении. Он действительно хотел, чтобы я почувствовала себя маленькой, глупой и зависимой. Чтобы мне стало стыдно за утку, квартиру, собственную память и сам факт, что я открыла рот.

Кира уткнулась в телефон. Лариса Аркадьевна демонстративно встала из-за стола и прижала пальцы к виску.

— Я уезжаю. У меня поднялось давление. Надеюсь, ты по-

нимаешь, Вера, что пожилая женщина может не пережить такого отношения.

— Мама, поедem, — сказал Кирилл. — Я вызову вам такси.

Он проводил их до двери. Из прихожей доносился его ровный голос, я слышала, как он успокаивал мать, просил Киру ничего не публиковать и обещал, что утром всё исправит. Словно я была не человеком, а неисправностью, которую можно устранить после завтрака.

Я собрала тарелки. Руки дрожали, и одна вилка упала на пол. Обычно я сразу нагибалась, но теперь просто смотрела на неё, лежащую возле стула.

Кирилл вернулся, поднял вилку и положил на стол.

— Ты сегодня сама не своя.

— Нет. Кажется, как раз наоборот.

Он долго смотрел на меня, потом подошёл и положил руки мне на плечи. Со стороны это могло бы показаться объяснением. На деле пальцы тяжело давили, удерживая на месте.

— Ты устала, иди спать. Завтра спокойно всё обсудим.

— Я не буду продавать квартиру.

— Завтра, Вера, — повторил он и поцеловал меня в лоб.

— Сейчас от тебя всё равно ничего разумного не добьёшься.

Ночью я лежала в темноте и слушала дождь. Он стучал по

стеклу ровно, будто отсчитывал время. Рядом сопел Кирилл. Я знала этот ритм и раньше находила в нём что-то успокаивающее, но сегодня каждый его вдох напоминал, что он здесь, совсем близко.

Перед глазами стояла подпись.

Моя фамилия, мой росчерк и никакой петли на «р».

Он даже не постарался подделать её как следует. Наверное, был уверен, что я не замечу. А если замечу, то он объяснит мне, что я устала, забыла или снова всё перепутала.

Кирилл повернулся ко мне. Матрас прогнулся под его весом, а тёплое дыхание коснулось моей щеки.

— Утром ты извинишься перед мамой и Кирой, — тихо произнёс он. — Потом мы встретимся с Андреем, ты объяснишь, что перенервничала, и подпишешь документы как положено. Без очередных сцен.

Я не ответила.

Он погладил меня по голове, как ребёнка, который капризничал весь вечер и наконец устал.

— Спи, Вера. Завтра будет тяжёлый день.

Я смотрела в потолок. Сердце билось часто, но мысли впервые за долгое время становились яснее с каждой минутой.

Что будет, если я не извинюсь?

Что будет, если не подпишу?

И что будет, если я вообще перестану делать всё, что он говорит?

Мысль пугала меня так сильно, что хотелось спрятаться под одеяло. Но где-то под страхом уже появлялось другое чувство, непривычное и почти забытое.

Кажется, это была надежда.

Глава 2

Я не спала почти до рассвета. Лежала на спине, смотрела в потолок и составляла список вещей, которые заберу, если всё-таки решусь уйти. Документы, ноутбук, несколько свитеров, мамина шкатулка и банка кофе, спрятанная за пачкой гречки. Кирилл считал хороший кофе пустой тратой денег, зато спокойно покупал галстуки по цене моего зимнего пальто. Объяснялось это просто, что галстук был «частью имиджа», а кофе моей прихотью.

Список получался коротким. Вся моя жизнь уместилась в старый чемодан со сломанным колесом, и это почему-то пугало меньше, чем мысль остаться.

Утром Кирилл собрался в офис как обычно. Поправил перед зеркалом воротник, проверил телефон, потом поцеловал меня в висок.

— Я позвоню в одиннадцать, — сказал он, надевая пальто. — Будь дома. Нам ещё нужно спокойно поговорить, без вчерашних истерик.

Истерикой он называл мой отказ подписывать согласие на продажу квартиры своих родителей.

— Хорошо, — ответила я, потому что спорить у двери не имело смысла.

Кирилл задержал на мне взгляд, будто проверял, достаточно ли убедительно я смирилась, и вышел. Я дождалась щелчка замка, подошла к окну и увидела, как он садится в машину. Только после этого набрала Зою Михайловну. Единственного человека, который меня любил и был ближе всех на свете, после родителей. Моя тётка и крёстная-мать, по совместительству.

— Тётя Зоя, мне нужна помощь.

— Наконец-то, — отозвалась она без приветствия. — Я уже месяц жду, когда ты перестанешь говорить, что у вас просто сложный период. Что случилось?

— Кирилл хочет продать мою квартиру. Подпись в документах не моя.

На другом конце повисла короткая тишина.

— Вот же скотина, — произнесла Зоя Михайловна почти уважительно. — Когда выезжаем?

— Сегодня, пока он в офисе.

— Отлично. Я беру чемодан, термос и сковороду.

— Зачем сковороду?

— Если встретим Кирилла, объясню наглядно, почему нельзя подделывать подписи. Не отвлекай меня глупыми вопросами, лучше собирай документы.

Через два часа в прихожую вломились мои подружки, словно почуяли жертву, которую следует ставить на место. Даша сбросила пальто на пуфик и сразу прошла по квартире, оценивая фронт работ. Соня нервно перебирала ремешок сумки и каждые полминуты проверяла телефон. Инна вошла последней и огляделась так, будто её насильно привели на место преступления, где она заранее не одобряла ни преступника, ни потерпевшую.

Зоя Михайловна поставила у стены потёртый чемодан на колёсах, рядом пристроила термос и сумку, из которой торчала ручка чугунной сковороды.

— Я всё ещё не понимаю, зачем мы это делаем тайком, — прошептала Инна, хотя в квартире, кроме нас, никого не было. — Вера, может, сначала поговорить с Кириллом? Спокойно, без скандала. Вдруг он правда хотел как лучше?

— Он подделал мою подпись, — напомнила я. — Обычно люди, которые хотят как лучше, хотя бы предупреждают, что продают твою квартиру.

— Может, вы просто не поняли друг друга?

— Инна, я сказала ему: «Я не согласна». Он ответил: «Ты потом поймёшь, что я был прав». Тут сложно потеряться в формулировках.

Она закусил губу и посмотрела на Дашу, словно рассчитывала найти поддержку. Даша скрестила руки на груди.

— Если ты сейчас предложишь Вере стать мягче и схо-

дить к семейному психологу, я тебя задушу.

— Я не это хотела сказать, — обиделась Инна. — Я просто боюсь, что он вернётся. Вы его не знаете, когда он злится.

— Мы как раз знаем, — сухо заметила Зоя Михайловна. — Поэтому действуем быстро. План такой, если появятся соседи или родственники, мы клининговая служба. Халаты я принесла, ведра тоже. Вера собирает вещи. Даша следит за двором. Соня отвечает за связь и ничего никому не отправляет. Особенно Кириллу.

Соня возмущённо вскинулась:

— Почему вы смотрите именно на меня?

— Потому что в прошлый раз ты создала чат «Побег Веры» и добавила туда Кирилла.

— Я сразу его удалила!

— Кирилла?

— Чат.

— Жаль, я бы накидала туда неприличных фоток — сказала Даша. —

У меня много компромата осталось с прошлого корпоратива.

— А компромат на кого? — переспросила Соня.

— На себя, любимую. Ты не знала, как гуляет бухгалтерия? — заржала в голос Даша. — ФСБ в шоке! зуб даю, что мои чаты у них в чёрных списках. Особенно после слов: «мальчики, не скучайте» и скидываю им свои фотки из примерочной.

— Фу, Дашка, — скривилась Соня.

Я невольно улыбнулась, хотя внутри всё было стянуто ту-гим узлом.

— А Инна, кстати, что делает? — спросила я.

Зоя Михайловна задумчиво посмотрела на неё.

— Инна будет молиться, чтобы всё прошло тихо. Судя по лицу, она уже начала.

— А вы?

— Я руковожу, — пошутила тётка.

Даша надела принесённый Зоей халат и взяла ведро. Халат оказался ей короток, ведро ярко-зелёным. Ей идеально подходил этот образ по характеру. Соня достала телефон, тут же уронила его и виновато спрятала обратно. Инна вздохнула, словно именно сейчас прощалась с последними остатками приличной жизни.

Я ушла в спальню и достала из кладовки свой старый чемодан. С ним мы когда-то ездили с родителями на море. У него заедал замок и не крутилось одно колесо, но выбросить его я так и не смогла. Некоторые вещи хранишь не потому, что они удобные, а потому, что больше некому помнить, где они были вместе с тобой.

Я складывала одежду без особого порядка. Закинула за-рядки, документы и мамину шкатулку. В ней лежали старое кольцо, два письма и фотография, на которой мы с родителями стояли в осеннем парке. Мне было девятнадцать, я шу-рилась от солнца и ещё не знала, что однажды стану просить

разрешения купить себе кофе.

Банку я положила сверху.

Заглянувшая в спальню Даша одобрительно кивнула:

— Правильно. Кофе забираем первым. Мужчины приходят и уходят, а нормальная арабика сейчас дорогая.

— Это почти единственное, что Кирилл не успел взять под контроль.

Я уже собиралась застегнуть чемодан, когда из коридора донёлся грохот. Соня вскрикнула, а я выбежала из спальни и едва не поскользнулась на мокром полу, Даша для убедительности успела пройтись по нему шваброй.

Зоя Михайловна стояла у двери, прижав палец к губам. За дверью раздавался голос, который я узнала раньше, чем услышала своё имя.

— Вера! Открой немедленно! Я знаю, что ты дома!

Лариса Аркадьевна с особым пристрастием колотила в дверь.

— Что делать? — прошептала Соня, прижимая к груди тряпку.

— Открывать, — спокойно ответила Зоя. — Мы клининг, а Вера хозяйка квартиры. В этом месте даже врать почти не придётся.

— А если она спросит, зачем уборка?

— Скажем, что квартиру готовят к продаже, — предложила Даша.

Я посмотрела на неё.

— Она обрадуется.

— Вот и хорошо. Радостный человек хуже замечает подвохов.

Лариса Аркадьевна пришла не с пустыми руками. Рядом с ней стоял большой бордовый чемодан, а на плече висела сумка.

— Я решила пожить у вас несколько дней, пока вы с Кириллом не придёте в себя, — объявила она вместо приветствия. — В семье должен быть хотя бы один взрослый человек.

После этого она вкатила чемодан в прихожую, не сняла обувь и остановилась, заметив женщин в одинаковых халатах.

— Это ещё что такое? Зоя Михайловна, объяснитесь.

— Клининг, — ответила я за тётю. — Готовлю квартиру к продаже.

Её лицо сразу смягчилось.

— Да, я теперь подрабатываю уборкой, — не растерялась тётка.

— Вот как. Значит, всё-таки одумалась. А вчера строила из себя оскорблённую невинность. Зоя, какая хорошая новость, может хотя бы научишь эту неумёху.

Тётка промолчала, но виду не подала, а Лариса Аркадьевна оставила чемодан у стены и прошла в гостиную, не дожидаясь приглашения. Зоя Михайловна последовала за ней с блокнотом, который неизвестно откуда достала.

— Подскажите, какие зоны требуют особого внимания?

— Меня не интересует ваша уборка, — отмахнулась свекровь, устраиваясь на диване. — Я приехала поговорить с невесткой.

— Разумеется. Но сначала мне нужно отметить, где лежат ценные вещи, чтобы сотрудники случайно их не задели.

Лариса Аркадьевна насторожилась:

— Какие ещё ценные вещи?

— Документы, украшения, наличные. Верочка упомянула папку в кабинете, но не смогла вспомнить, где именно она лежит.

Я едва удержалась, чтобы не посмотреть на Зою.

— Синяя папка в нижнем ящике стола, — сразу сообщила Лариса Аркадьевна. — На ней написано «Налоги Кирилла». Не трогайте её, там важные бумаги.

— Прекрасно, я отмечу. А в спальне есть что-то, требующее осторожного обращения?

— У Веры там шкатулка. Она вечно прячет её от Кирилла, словно у неё бриллианты Романовых. Тоже не трогайте.

— Благодарю, — серьёзно сказала Зоя и сделала запись в блокноте. Мне пришлось отвернуться. Зоя Михайловна за две минуты узнала больше, чем я за последние несколько месяцев.

— Вера, подойди сюда, — потребовала свекровь. Когда я остановилась напротив, она поджала губы. — Я хочу, чтобы ты знала, что из-за тебя я вчера не спала. У меня поднялось

давление, пришлось дважды вызывать врача.

— Вы вчера говорили, что врач запретил вам вызывать скорую без необходимости.

— Не придирайся к словам. Суть в том, что ты заставляешь всех нервничать.

— Мне жаль, что вы плохо себя чувствовали, — ответила я, стараясь не повышать голос. — Но договор я не подписывала и квартиру продавать не собиралась.

— Да какая разница, подписывала ты или нет? — Она всплеснула руками. — Квартира всё равно семейная. Кирилл вкладывался в ремонт, выбирал мебель, договаривался с рабочими. Ты понимаешь, сколько он для тебя сделал?

— Ремонт оплачивался из денег, которые оставили мне родители.

— Опять ты считаешь! В семье не бывает твоего и моего.

— Забавно. Когда речь идёт о квартире, она семейная, а когда о счёте Кирилла, то я не должна задавать лишних вопросов.

Лариса Аркадьевна выпрямилась.

— Кирилл содержит тебя, дал тебе дом, семью, положение. Когда вы познакомились, ты была сиротой без будущего.

Слово «сирота» она произнесла так, словно речь шла не о смерти моих родителей, а о неудобном недостатке в анкете.

— Я не была никем, — медленно сказала я. — У меня были образование, работа и собственная квартира. Кирилл ме-

ня не приютил. Я вышла за него замуж, потому что любила.

— Любовь заканчивается, а семья остаётся. И в семье Бесоновых женщины всегда знали своё место. Одна ты решила, что тебе положены особые условия.

— И где моё место?

— Рядом с мужем. В его доме и на его условиях.

— Даже если он подделывает мою подпись?

— Если Кирилл так поступил, значит, у него были причины. Ты слишком эмоциональна и не всегда понимаешь, что для тебя лучше.

Раньше после этих слов я начинала сомневаться. Может, действительно не понимаю? Может, преувеличиваю? Может, нужно успокоиться, подождать, дать ему объяснить?

Теперь я смотрела на Ларису Аркадьевну и впервые слышала не правду, а привычную для неё версию, в которой Кирилл всегда был прав, она всегда страдала, а я должна была быть благодарной за само право находиться рядом.

— Вы не хотите меня услышать, — сказала я. — Вам нужно, чтобы я согласилась.

— Потому что разумный человек давно бы согласился! Ты всё портишь. Утку пересушила, сделку сорвала, мужа выставила идиотом перед деловым партнёрами. Что дальше? Заведёшь кота и будешь жаловаться ему на тяжёлую жизнь?

— Кот хотя бы не перебивает.

Даша кашлянула в кулак, скрывая смех. Лариса Аркадьевна побагровела.

— Ты ещё смеешь дерзить? Если бы не Кирилл, ты жила бы в нищете и считала копейки. А он тебя содержит и заботится. Ты должна ему в ноги кланяться!

— Спасибо, я лучше постою.

— Вера, не наглай!

Она вскочила и шагнула ко мне. Я невольно отступила, но Зоя Михайловна тут же оказалась между нами.

— Прошу прощения, — сказала она с вежливой улыбкой.

— Мы не можем продолжать уборку при таком балагане.

Лариса Аркадьевна растерялась:

— Что?

— Если хотите, чтобы квартира блестела, придётся говорить спокойнее.

— Вы издеваетесь?

— Что вы. Я забочусь о качестве работы и о вашем давлении. Вы же сами сказали, что врач запретил вам нервничать.

— Мне вредно смотреть на эту неблагодарную женщину!

— Тогда вам лучше выйти на свежий воздух. Там дождь, но зато Веры нет.

Несколько секунд Лариса Аркадьевна смотрела на Зою, не находя подходящего ответа. Потом схватила сумку, метнулась в прихожую, подхватила бордовый чемодан и рванула к двери.

— Я всё расскажу Кириллу! И про клининг, и про твоё поведение. Ты ещё пожалеешь, что не подписала бумаги!

— Я уже жалею, — ответила я. — Только не об этом.

Она хлопнула дверью так, что с полки упала рамка. Я подняла её. На фотографии мама смеялась, запрокинув голову, а папа смотрел на неё, а не в объектив. Я провела пальцем по стеклу и поставила рамку в сумку.

— Ну и женщина, — выдохнула Даша. — Я бы не выдержала.

— Вера, забирай папку. Соня, следи за лестницей. Инна, перестань крутить кольцо, ты скоро палец сотрёшь, — мягко сказала тётя.

Инна опустила руку и тихо сказала:

— Я не думала, что она так с тобой разговаривает.

— При посторонних она ещё старалась быть вежливой.

Инна посмотрела на меня, и в её лице впервые не было привычного «но». Только растерянность и, кажется, стыд.

— Прости, — прошептала она. — Я всё время советовала тебе потерпеть, потому что сама терплю. Так проще было думать, что это нормально.

Мне хотелось ответить резко. Напомнить, сколько раз она убеждала меня не разрушать семью, быть мудрее и не выносить сор из избы. Но сейчас она стояла передо мной бледная, с красной полоской на пальце от кольца, и я поняла, что её слова были не только обо мне.

— Помоги застегнуть сумку, — попросила я. — Об остальном поговорим потом.

Она кивнула и вытерла ладони о джинсы.

В кабинете я нашла синюю папку в нижнем ящике. Внут-

ри лежали договоры, расписки, копии паспортов и несколько документов с печатями. На первой же странице я увидела адрес своей квартиры и собственную фамилию. Разбираться на месте было некогда, поэтому я сунула папку в сумку и вернулась в спальню.

Моего чемодана там не оказалось.

— Даша, ты его вынесла?

— Поставила в прихожей рядом с вещами Зои.

Мы одновременно повернули головы к двери.

У стены остался один бордовый чемодан. Почти такой же, как мой, только ручка была обмотана золотистой лентой.

— Нет, — сказала я.

Зоя Михайловна подошла ближе и посмотрела на чемодан.

— Похоже, твоя свекровь в порыве семейной любви прихватила не тот багаж.

— Там мои документы, одежда и мамина шкатулка.

— Документы у тебя в сумке, шкатулку ты переставила туда же, — напомнила Инна. — Я видела.

Я проверила сумку и с облегчением нащупала шкатулку.

— Значит, у неё мои свитера, бельё и банка кофе.

— За кофе придётся сражаться, — мрачно сказала Даша.

— Берём её чемодан, — распорядилась Зоя. — Обменяем позже. Сейчас уходим, пока Лариса не заметила логическую ошибку и не вернулась. Нам повезло, что она нас за мусор считает и не хотела ранее знакомится, так бы всё пропало.

Ведь даже подруги у тебя непутёвые, как и ты сама.

Лифт застрял на восьмом этаже и не реагировал. Мы пошли по лестнице. Даша несла ведро и тряпку, Соня доверили швабру, а Инне мою сумку. Я тащила чемодан Ларисы Аркадьевны, который гремел на каждой ступеньке так, будто внутри перекатывались кирпичи.

— Что она туда положила? — спросила Даша. — Семейные ценности?

— Если судить по весу, семейные грехи, — отозвалась Зоя.

На улице шёл мелкий и холодный дождь. Мы добежали до лавочки под голыми ветками, и я дёрнула чемодан за ручку. Заевший замок щёлкнул, крышка распахнулась, а содержимое вывалилось прямо на мокрый асфальт.

Первыми показались розовые кружевные трусы. За ними пучки сушёного шалфея, упаковка таблеток с надписью «Очищение ауры», пачка наличных и пузырёк с мутной жидкостью.

Даша подняла бельё двумя пальцами.

— Я сейчас задам вопрос, но заранее не хочу знать ответ. Это твоё?

— Нет. Мы точно забрали чемодан Ларисы Аркадьевны. Соня присела рядом и подобрала таблетки.

— Здесь написано, что они восстанавливают энергетический баланс.

— Судя по сегодняшнему разговору, курс она не закончила, — сказала я.

Зоя Михайловна взяла пачку денег, быстро осмотрела и вернула в чемодан.

— Собирайте всё. Если сейчас выйдут соседи, будет трудно объяснить, что тут происходит.

— Почему? — Даша встряхнула розовые трусы. — На вид глубокая очистка личной жизни.

Я засмеялась, наверное, если утро начинается с побега от мужа, а заканчивается сбором белья свекрови под дождём, остаётся либо смеяться, либо лечь рядом с шалфеем и ждать очищения ауры.

Возле нас затормозила машина. Дверь открылась, и на тротуар вышел Андрей Северин.

Он был в тёмном пальто, без зонта, и сначала посмотрел на меня, потом на Дашу с кружевным бельём в руке, на Соню с таблетками и лишь после этого на раскрытый чемодан.

— Не спрашивайте, — сказала я, запихивая внутрь пучок шалфея.

— И не собирался, — ответил он. — Боюсь, объяснение сделает происходящее ещё хуже.

Андрей снял пальто, накрыл им чемодан и присел рядом, помогая собрать то, что ещё лежало на асфальте. Он двигался спокойно, словно каждый день находил во дворах про-

мокших женщин, сбежавших из дома с чужими трусами.

— Что вы здесь делаете? — спросила я.

— Привёз копии документов по сделке. Решил, что они вам пригодятся.

Я посмотрела на Андрея внимательнее.

— Вы следили за мной?

Его лицо сразу стало серьёзным.

— Нет. Я приехал по адресу, который был в документах.

Увидел вас у подъезда и остановился.

— Это не то, чем кажется, — сказала я, хотя оправдываться было поздно.

— А чем это кажется?

Я оглядела нашу компанию.

— Если честно, не знаю, но в реальности всё ещё глупее.

Уголок его рта дрогнул. Андрей поднял пузырёк с мутной жидкостью и протянул мне.

— Зато теперь у вас есть защита от дурного глаза.

— Поздновато. Дурной глаз уже пятнадцать лет живёт со мной в одной квартире.

Он не засмеялся. Только задержал на мне взгляд, и от этого стало неловко.

— Вы всё-таки решили уехать?

— Решила. Правда, мой чемодан уехал раньше меня и со свекровью.

— Это многое объясняет.

— Ничего это не объясняет, — возразила я, забирая пу-

зырёк. — Даже мне.

В этот момент Соня тихо ойкнула. Мы все повернулись к ней.

— Только не говори, что снова создала чат, — попросила Даша.

— Хуже. Я хотела сфотографировать чемодан и отправить тебе, а потом появился Андрей, я отвлеклась... В общем, кажется, фото ушло Кириллу.

У меня похолодели пальцы.

— Какое именно фото?

Соня показала экран. На снимке я стояла на коленях возле открытого чемодана, Андрей наклонялся рядом, а Даша держала розовые трусы.

— Прекрасно, — выдохнула я. — Теперь Кирилл решит, что я ушла к Андрею, прихватив бельё его матери.

В кармане завибрировал телефон. Я достала его и увидела банковское уведомление: «Доступ к общему счёту ограничен. Обратитесь в отделение банка».

Несколько секунд я просто смотрела на экран. Общий счёт был тем самым, куда приходили мои деньги и откуда Кирилл предлагал оплачивать «семейные расходы». Собственной картой я почти не пользовалась, потому что он убедил меня, что так удобнее.

— Он заблокировал счёт, — сказала я.

— Так быстро? — Даша подошла ближе.

— Значит, увидел фотографию или ему уже позвонила

мать. Хотя, скорее всего, они действуют в паре.

Инна побледнела:

— Вера, а у тебя вообще есть доступ к своим накоплениям?

— Есть немного наличных и отдельная карта. Я завела её три месяца назад.

Произнеся это вслух, я почувствовала не стыд, а странную гордость. Я всё-таки готовилась. Пусть медленно, пусть тайком, но какая-то часть меня давно знала, что этот день наступит.

Андрей посмотрел на экран, потом на меня.

— Куда вы собирались ехать?

— К Зое Михайловне.

— Тогда отвезу вас.

Во мне сразу поднялось раздражение.

— Я вас не просила.

Андрей замолчал. Он не стал доказывать, что знает лучше. Просто кивнул.

— Верно. Тогда спрошу по-другому, вас отвезти?

Я посмотрела на него, потом на подруг. Разница была всего в нескольких словах, но я почувствовала её сразу.

— Да, — ответила я. — Если вам не сложно.

— Не сложно.

— Только сначала нужно вернуть чемодан Ларисе Аркадьевне и забрать мой.

Зоя Михайловна покачала головой:

— Сейчас возвращаться нельзя. Кирилл может уже ехать сюда. Позвоним позже и назначим обмен в людном месте.

— Я хочу забрать кофе.

— Вера, у тебя только что заблокировали счёт.

— Именно. Без денег и без кофе мне не прожить.

Даша рассмеялась и захлопнула крышку чемодана.

Андрей поднял его за ручку, но я не отпустила сразу.

— Там наличные Ларисы Аркадьевны, — предупредила я. — И средства для очищения ауры. Если что-то пропадёт, она обвинит нас в ограблении и порче энергетического поля.

— Буду нести осторожнее.

Он дождался, пока я разожму пальцы, и только тогда понёс чемодан к машине.

Я пошла следом. Дождь стекал за воротник, туфли промокли, впереди ждали разговоры с банком, полиция, документы и Кирилл, который наверняка уже готовил очередное спокойное объяснение моей неблагодарности. Новая жизнь не начиналась красиво. Она начиналась с чужого чемодана, мокрых носков и заблокированного счёта.

Но решение было моим.

— Поехали, — сказала я, садясь в машину. — А кофе я всё равно верну.

— Не сомневаюсь, — ответил Андрей. — Человек, который сбежал из дома ради свободы и банки кофе, уже вряд ли согласится на меньшее.

Глава 3

Мы уже сидели в квартире Зои Михайловны. Мне всегда нравилась у неё гостить, ведь тут пахло домом. Не жильём, где у каждой вещи было своё место и ко всему прилагалось мнение Кирилла, а настоящим домом, в котором можно поставить чашку не на ту подставку и не услышать тяжёлого вздоха.

На кухне гудел холодильник, на подоконнике теснились банки с сушёными травами, а у окна висела клетка с волнистым попугаем. Фёдор встретил нас таким возмущённым криком, будто квартира принадлежала ему, а Зоя снимала здесь угол.

— Он у тебя всегда так радуется гостям? — спросила я, стягивая туфли. Носок тут же зацепился за ремешок, и мне пришлось несколько секунд прыгать на одной ноге, сохраняя остатки достоинства.

— Фёдор не любит людей с чемоданами, — пояснила Зоя Михайловна, придерживая меня за локоть. — Считает, что перемены ведут к сокращению пайка.

— У нас теперь у всех такой пунктик, — пробормотала Даша, втаскивая мою сумку. — Только мы ещё боимся адвокатов и семейных ужинов.

Фёдор переступил по жёрдочке и снова заорал. Я посмотрела на него, а он на меня. В круглом птичьем глазу читалось столько недоверия, что Кирилл мог бы брать у него уроки.

— Мы с тобой ещё подружимся, — пообещала я.

Фёдор демонстративно отвернулся к окну.

— Даже птица тебя осуждает, — заметила Даша. — Вера, сегодня ты собрала полное бинго.

Я опустила на табурет. Ноги гудели, джинсы липли к коленям, а перед глазами всё ещё стояла фотография, которую Соня случайно отправила Кириллу, где были я, Андрей и розовое бельё. Если бы кто-то предложил мне такое описание утра неделю назад, я бы посоветовала ему меньше смотреть дешёвые сериалы.

Зоя поставила передо мной чай, придвинула тарелку с печеньем и села напротив. Даша устроилась у окна, а Инна неуверенно присела на самый край стула.

— Итак, — начала Зоя Михайловна, оглядев нас поверх чашки, — у нас есть папка с документами, чужой чемодан, заблокированный счёт и муж, который уже наверняка рассказывает всем, что Вера сбежала в состоянии помутнения рассудка. Что делаем?

— Для начала я переоденусь, — ответила я. — Потом позвоню в банк и поеду на работу.

Инна вскинула голову:

— На работу? Вера, может, хотя бы сегодня останешься здесь? Тебе нужно прийти в себя.

— Если я не появлюсь, Кирилл первым объяснит коллегам, что у меня истерика и я не способна работать. Он любит занимать место у микрофона, пока остальные ещё ищут

сцену.

— Он уже мог позвонить, — осторожно сказала Инна.

— Тем более поеду. Пусть увидят, что я жива, разговариваю связно и пока никого не кусаю.

Зоя одобрительно кивнула, но подвинула ко мне печенье ещё ближе.

— Поедешь после еды. Ты бледная, как моя стена, а нам сейчас не нужен обморок.

Я послушно съела печенье, хотя оно застревало в горле, потом взяла сухую одежду и ушла в ванную. Там, под резким светом лампы, я впервые за день рассмотрела себя целиком. Мокрые волосы прилипли к вискам, глаза покраснели, а на запястьях остались следы пальцев Кирилла, уже не такие яркие, но заметные.

Я повернула руку и провела по коже. Вчера он сжимал её под столом, улыбаясь гостям. Сегодня утром поцеловал меня в висок и ласково сказал, что я устала. В его исполнении это звучало почти как диагноз.

— Ты не устала, — тихо сказала я отражению. — Ты ушла. Это разные вещи.

Женщина в зеркале выглядела неубеждённой, но спорить не стала.

В банке я провела почти час. Девушка за стойкой долго

смотрела то в монитор, то на меня, словно надеялась, что один из нас подскажет ей более приятный ответ.

— Ваш доступ к общему счёту временно ограничен по заявлению супруга, — наконец произнесла она и виновато поправила бейдж. — Он сообщил, что вы находитесь в нестабильном эмоциональном состоянии и можете совершить необдуманные операции.

— Я сейчас стою перед вами, — сказала я, стараясь не повышать голос. — Я одета, помню своё имя и могу без подсказки назвать девичью фамилию матери. Насколько стабильнее мне нужно выглядеть?

— Я вас понимаю, правда. Но для снятия ограничения потребуется заявление с объяснением ситуации. Возможно, дополнительные документы или справка от врача.

— А для блокировки счёта справка не понадобилась?

Девушка опустила глаза, ей было неловко.

— Счёт общий. При споре между владельцами банк может временно ограничить операции. Ваш супруг предъявил свидетельство о браке и написал заявление.

— То есть он просто пришёл и сказал, что жена не в себе?

— Не совсем так...

— Но примерно.

Она тяжело вздохнула.

— Примерно.

Я медленно выдохнула, чтобы не начать смеяться. «Спор о распоряжении средствами» звучал прилично. Почти как

«семейное недоразумение», «сложный период» или любимое Кириллово «Вера немного переутомилась».

— Хорошо. Я напишу заявление и приложу копию обращения в полицию по поводу подделки моей подписи.

Девушка заметно оживилась:

— Вы уже обратились?

— Обращусь сегодня.

Она протянула мне бланк, а потом понизила голос:

— Тогда лучше не откладываете. Если супруг предоставит подтверждения, что вы действительно не можете распоряжаться деньгами, ограничение могут продлить.

— Подтверждения от кого? От самого Кирилла?

— От врача или его представителей.

— У Кирилла скоро появится представитель по вопросам моего душевного здоровья. У него вообще много талантов, о которых я узнаю последней.

Девушка не улыбнулась, но уголок её рта дрогнул.

Я отошла к столику у окна. Напротив устроилась пожилая женщина с пачкой квитанций. Она долго раскладывала бумаги, ворчала на очки, потом посмотрела на мой бланк и понимающе покачала головой.

— Муж? — спросила она.

— Почему вы решили?

— Лицо у вас знакомое. У моей дочери такое же было, когда бывший карту заблокировал. До развода он тоже всё переживал за её состояние, а после развода переживать по-

чему-то перестал.

— Мой пока держится. Очень заботливый.

— Они все заботливые, пока деньги делить не начинают. Вы только не сдавайтесь. И копии со всего снимайте, а то бумага — она женщина ненадёжная, особенно в чужих руках.

Я невольно улыбнулась.

— Спасибо.

— Не за что. Я два развода пережила. Банк меня уже по отчеству знает.

Она снова занялась квитанциями, а я склонилась над завлением. Рука дрожала, поэтому буквы выходили неровными, зато моими. С петлёй на «р».

Я приехала в офис издательства и первым делом направилась на своё рабочее место. Включила компьютер и открыла письмо автора, который третий раз переписывал финал романа. В первой версии герои расстались, во второй поженились, а теперь собирались вместе уехать выращивать виноград. Ещё вчера меня бы это раздражало. Сегодня я подумала, что человек хотя бы честно признаёт, что он не знает, чем всё закончится.

Через десять минут ко мне подошла Аня из соседнего отдела.

— Вера, тебя Олег Сергеевич зовёт, — сказала она и от-

вела глаза. — Просил зайти, как только появишься.

— Кирилл звонил?

Аня замялась, и этого оказалось достаточно.

— Я не слышала разговор, — быстро добавила она. — Только видела номер на экране. Может, он просто...

— Просто решил проверить, хорошо ли я работаю после побега из дома?

Она сочувственно сморщила нос.

— Я хотела сказать «беспокоится», но твой вариант звучит понятнее.

Олег Сергеевич сидел за столом и перебирал бумаги. Увидев меня, снял очки и указал на стул.

— Садись, Вера. Как ты себя чувствуешь?

— Судя по тому, что вы начинаете с этого вопроса, мой муж уже успел рассказать вам свою версию.

Олег Сергеевич отложил очки.

— Он звонил утром. Сказал, что у тебя непростой период. Просил отнестись с пониманием, если ты будешь вести себя необычно.

Злость поднялась во мне медленно, без шума. Мне не хотелось кричать или оправдываться. Хотелось взять каждое слово Кирилла, положить на стол и спокойно разобрать, как неудачную рукопись.

— Он просил отнестись с пониманием или предупредил, что мне нельзя доверять?

Олег Сергеевич нахмурился:

— Не передёргивай. Насколько я понял, он волнуется.

— Сегодня он заблокировал наш общий счёт. До этого подделал мою подпись под документами о продаже квартиры. А теперь позвонил моему начальнику и сообщил, что я эмоционально нестабильна. Вы правда считаете это волнением?

Он откинулся на спинку кресла.

— Подделка подписи серьёзное обвинение.

— Поэтому у меня есть документы. А ещё следы на руке.

Я положила запястье на стол и не стала одёргивать рукав. Олег Сергеевич посмотрел на синяки, и его лицо изменилось. Совсем немного, но достаточно, чтобы я поняла, что он увидел.

— Вера, я не могу вмешиваться в семейный конфликт, — произнёс он уже мягче. — Но обязан думать о работе. Если тебе нужен отпуск, мы оформим его хоть с сегодняшнего дня.

— Мне не нужен отпуск.

— Я не выгоняю тебя. Я предлагаю передышку.

— После звонка Кирилла. Если я сейчас уйду, он получит именно то, чего добивается и все решат, что со мной действительно что-то не так.

Олег Сергеевич несколько секунд разглядывал меня, словно сравнивал женщину перед собой с той, которую описал по телефону мой муж.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Работай. Если станет

тяжело, придёшь ко мне сама, без героизма. И ещё, если твой муж позвонит снова, я объясню ему, что обсуждаю работу только с сотрудниками.

— Спасибо.

— Не благодари. Это надо было сказать сразу.

Я уже взялась за ручку двери, когда он добавил:

— И не пытайся никому здесь доказать, что с тобой всё в порядке. Просто делай свою работу. У тебя это всегда получалось лучше объяснений.

В коридоре я остановилась у окна и прижалась лбом к холодному стеклу. Колени дрожали, хотя в кабинете я сидела с прямой спиной. Кирилл не просто перекрыл мне доступ к деньгам. Он переписывал меня для каждого, кто имел значение, а именно для банка, для начальства и мои знакомых. Ещё несколько дней, и люди начали бы смотреть на меня осторожно, с тем вежливым сочувствием, за которым уже прячется недоверие.

Телефон завибрировал. Инна написала: «Ты как? Я всё утро думаю о подписи. Вдруг ты всё-таки подписала и забыла? От сильного стресса бывает всякое».

Я прочитала сообщение трижды. Потом медленно набрала: «Бывает. Но я помню, что ничего не подписывала. И петля на букве «р» исчезла не от стресса».

Инна долго печатала, стирала и начинала заново. Наконец пришёл ответ: «Прости. Просто очень страшно поверить, что человек, с которым ты живёшь, способен на такое».

«Мне тоже страшно», — написала я.

И убрала телефон, прежде чем она успела прислать очередное «но».

Андрей ждал у выхода из издательства. Он стоял возле чёрной машины, спрятав руки в карманы пальто, и смотрел на дверь. Мелкий дождь блестел у него на плечах.

Я остановилась в двух шагах.

— Вы теперь будете приезжать каждый раз, когда у меня плохой день? Тогда вам придётся оформить абонемент.

— Постараюсь не злоупотреблять, — ответил Андрей. — Но сегодня у меня есть кое-что, способное испортить день Кириллу. Я решил, что вам это пригодится.

Он достал из машины тонкую папку и протянул мне.

— Здесь переписка с риелторами и предварительные договорённости с банком. Подготовка сделки началась за месяц до того ужина, когда вам показали документы.

Я взяла папку, но открывать не стала.

— Почему вы не пришли ко мне раньше?

Андрей чуть нахмурился:

— Я не был уверен, что правильно понял вопрос.

— Вы знали Кирилла, следили за сделкой и видели, что он делает. Почему не предупредили меня неделю назад? Или месяц назад?

— Мне нужны были доказательства. Если бы я пришёл без них, Кирилл обвинил бы меня в клевете, а вы, скорее всего, поверили бы ему.

— Поэтому вы решили дожидаться, пока он подделает мою подпись?

— Я не знал, что он зайдёт так далеко.

— Но знали достаточно, чтобы собирать переписку.

Андрей отвёл взгляд. На его лице мелькнула вина, и от этого стало только хуже. С Кириллом всё было проще, он почти никогда не сомневался в своей правоте. Андрей сомневался, но всё равно решил за меня.

— Я хотел получить материалы, которые он не сможет опровергнуть, — сказал он. — Если бы я пришёл раньше, вы могли рассказать ему о разговоре. Тогда он бы всё уничтожил.

— Значит, вы следили не за мной, а за ним. А я просто оказалась подходящей частью вашей войны.

— Нет, Вера.

— Тогда почему о продаже своей квартиры я узнала за семейным столом? Почему не от вас, когда ещё могла спокойно проверить документы и решить, что делать?

Он сжал челюсть.

— Потому что я не был уверен, что вы мне поверите.

— А теперь уверены?

— Теперь вы знаете, на что способен Кирилл.

Я покачала головой.

— Знаете, что самое неприятное? Вы правы. Неделю назад я бы, скорее всего, вас выслушала, поблагодарила и пошла готовить ужин. Потом Кирилл всё объяснил бы спокойно и убедительно, с тем лицом, от которого я сама начинала сомневаться в собственной памяти. Но вы всё равно должны были дать мне возможность выбрать.

— Да, — после паузы ответил Андрей. — Должен был.

Признание прозвучало просто, без оправданий, и на мгновение выбило меня из равновесия. Я уже приготовилась спорить, а он не стал.

— Вы понимаете это сейчас, когда всё уже случилось, — сказала я тише. — Очень удобно.

— Не удобно, — возразил он. — Но поздно.

Я сунула папку в сумку и прошла мимо. Андрей не попытался меня остановить, только негромко окликнул:

— Вера.

Я обернулась.

— Я не хотел, чтобы вы пострадали, — сказал он. На этот раз в его голосе не было привычной сухости.

— А я не хотела, чтобы мной пользовались. Ни ради денег, ни ради мести, ни ради моего же блага. Но сегодня у всех неудачный день.

Я направилась к остановке, чувствуя спиной его взгляд. Хотелось обернуться, увидеть, стоит ли он на месте, но я не стала. Пусть хоть раз мужчина останется со своим решением один.

Вечером я лежала на диване у Зои, укрывшись пледом. Фёдор сидел в клетке и время от времени издавал короткие осуждающие звуки. Зоя гремела посудой на кухне. Телефон снова завибрировал. Лариса Аркадьевна прислала сообщение: «Завтра утром в квартире поменяют замки. Если нужны вещи, забирай сегодня. И верни мой чемодан, воровка. И не пытайся мне помешать, у меня знакомый мастер, который не спрашивает документов на собственность».

Я перечитала и неожиданно рассмеялась. Зоя заглянула в комнату, вытирая руки полотенцем:

— Что случилось? Кирилл признался во всём и ушёл в монастырь?

— Лариса Аркадьевна обещает сменить замки. Ещё называет меня воровкой и требует вернуть чемодан.

— Разумное требование. В нём наверняка половина её стратегического запаса кружев.

— А мои вещи остаются в квартире.

Зоя задумалась, потом деловито кивнула:

— Предложи обмен. Их бельё на твой кофе, документы и зимние сапоги. Сапоги ценнее, поэтому пусть ещё чайник добавят.

Я снова посмотрела на экран. Страх никуда не исчез. Он сидел внутри, но рядом с ним уже росло другое чувство, пока

небольшое, но уже упрямое и очень похожее на злость.

— Завтра поеду к нотариусу, — сказала я. — Потом в полицию и в банк. А если они действительно вызовут слесаря, буду стоять рядом и смотреть, как меняют замки в моей квартире.

Зоя вошла в комнату и села на край дивана.

— Я поеду с тобой.

— Не надо.

— Хорошо, — легко согласилась она. — Тогда я просто случайно окажусь там же.

Я улыбнулась и отложила телефон. Пусть Кирилл рассказывает всем, что я больная, неблагодарная и забыла, какие документы подписывала. Пусть Лариса меняет замки, банк требует справки, а знакомые советуют не рубить с плеча.

Я больше не собиралась доказывать, что со мной всё в порядке.

— Пусть меняют замки, — сказала я вслух. — Я всё равно найду способ открыть дверь.

Глава 4

Утро началось с того, что Фёдор сбросил жёрдочку на дно клетки и три минуты орал так, будто в квартиру ворвались воры. Я открыла глаза не сразу. Сначала нащупала ладонью незнакомую складку на простыне, увидела чужие занавески, а потом вспомнила, где нахожусь и почему. За последние

сутки моя жизнь успела сменить адрес, потерять половину вещей и перестать быть похожей на ту, к которой я привыкла.

На кухне тётка уже помешивала кашу. Выглядела крёстная бодрее меня, хотя я проспала восемь часов, а она, судя по всему, успела прожить небольшую отдельную жизнь.

— Кофе на столе, бутерброды рядом, — сказала она, не оборачиваясь. — Сыр вчерашний, но крепкий. Не то что некоторые мужчины, до утра дожил без потери достоинства.

— Спасибо. Я думала, ты ещё спишь.

Зоя выключила плиту и наконец посмотрела на меня.

— Я с шести на ногах. Позвонила нотариусу, поругалась с управляющей компанией и выяснила, что твоя свекровь уже вызвала слесаря к твоей квартире. В общем, обычное спокойное утро пенсионерки.

Я замерла, так и не донеся чашку до рта.

— Откуда ты знаешь про слесаря?

— Соседка с третьего этажа написала. Спросила, не продаём ли мы квартиру, потому что возле двери стоит крикливая дама с чемоданом и командует двумя мужчинами. Я попросила описать даму. После слов «плащ, начёс и взгляд председателя суда» сомнений не осталось.

— У неё же мой чемодан, — вспомнила я.

— Вот и хорошо. Пусть таскает. Может, впервые за много лет почувствует тяжесть чужих вещей.

Я села и сделала глоток. Кофе оказался крепким, чуть горьким, именно таким Зоя поила меня перед экзаменами,

похоронами родителей и разговором с Кириллом о свадьбе. Тогда она спросила, уверена ли я. Я обиделась. Теперь хотелось вернуться в тот день, поставить перед собой чашку покрепче и ответить честно.

— Мне нужно ехать туда, — сказала я.

— Конечно, поедem. Но сначала доешь. Голодный человек хуже соображает и быстрее соглашается с тем, кто говорит уверенным голосом.

— Ты прямо мой личный стратег.

— Я твоя крёстная. Это почти то же самое, только услуги оплачиваются бутербродами и редкими звонками по праздникам.

Фёдор возмущённо свистнул, будто последнее замечание касалось и его. Зоя бросила в клетку сухарик.

— Не поощряй его, — попросила я. — Он и так орёт по любому поводу.

— Поздно. Он уже считает себя директором этой квартиры.

Я улыбнулась и только потом поняла, что сделала это без усилия. Впервые за два дня мне не пришлось изображать перед самой собой, будто я держусь.

К подъезду мы приехали на такси. Ларису Аркадьевну мы слышали ещё в лифте. Она стояла возле моей двери и отчи-

тивала двух мужчин в рабочих куртках. Один держал дрель, второй прижимал к животу коробку с новым замком. У стены сиротливо лежал мой чемодан со сломанным колесом, перемотанный серебристым скотчем.

— Вы обязаны поменять замок сегодня, — заявляла све-
кровь, рубя воздух ладонью. — Я хозяйка. Точнее, мать хо-
зяина. Если совсем точно — мать человека, который имеет
полное право распоряжаться этой квартирой.

— Документы на квартиру у вас есть? — устало спросил
мужчина с дрелью.

— Я вам паспорт показывала.

— Паспорт подтверждает, что вы — это вы. Право соб-
ственности он не подтверждает.

Лариса Аркадьевна выпрямилась ещё сильнее, хотя каза-
лось, дальше уже некуда.

— Молодой человек, не надо учить меня юриспруденции.
Я жизнь прожила и прекрасно знаю, что мать в доме сына —
главный документ.

Слесарь посмотрел на напарника. Тот едва заметно пожал
плечами. По их лицам было видно, что оба мысленно про-
щаются со спокойным рабочим днём.

— Доброе утро, — громко сказала я, выходя из лифта. —
Это моя квартира, и замок менять не нужно.

Лариса Аркадьевна резко обернулась. Удивление на её ли-
це продержалось секунду, после чего уступило место гневу.

— Ах, вот ты где! Явилась! Думала спрятаться у своей

тётки и изображать жертву?

— Я не пряталась. Приехала, чтобы вы не сломали мою дверь.

— Никто её не ломает! Мы меняем замок. Это совершенно разные вещи, Вера. Если бы ты не сбежала из дома, как трудный подросток, нам не пришлось бы заниматься этим утром.

— Я не сбежала, а ушла.

— От мужа, от семьи и от обязанностей! — Она повысила голос и указала на Зою. — И что дальше? Будешь жить у этой женщины с термосом?

Зоя приветливо улыбнулась, будто слышала комплимент.

— У женщины с термосом есть имя и крепкие нервы. Рекомендую хотя бы два пункта из трёх.

— Я не желаю с вами разговаривать!

— Прекрасно. Тогда вы помолчите, а я поговорю. Так даже быстрее получится.

Лариса Аркадьевна прижала ладонь к груди и шумно вдохнула. Этот жест я знала, ведь сейчас начинался спектакль, в котором она одновременно играла оскорблённую мать, хранительницу семьи и последнего честного человека в Москве.

— Вера, я приехала дать тебе последний шанс. Кирилл готов тебя простить. Ты понимаешь? Простить после скандала при гостях, побега и этой ужасной истории с подписью.

Он вчера звонил мне и сказал: «Мама, я люблю её и не могу так просто всё разрушить».

— Он говорил про меня или про квартиру?

— Не ёрничай. Ты должна быть благодарна уже за то, что Кирилл согласен с тобой разговаривать. Другая женщина на твоём месте давно ползала бы на коленях и умоляла вернуть её в семью.

— Я не другая женщина.

— Это я давно заметила. Другие хотя бы умеют нормально готовить.

У меня дёрнулся уголок рта. За годы брака Лариса Аркадьевна успела простить мне отсутствие детей, недостаточную радость от её визитов и неумение запекать утку по рецепту прабабушки. Правда, о каждом прощении она напоминала при любом удобном случае.

Зоя медленно поправила ремешок сумки.

— Лариса, ты себя со стороны слышишь? Стоишь у чужой квартиры, пытаешься сменить замок и объясняешь взрослой женщине, что твой сын готов её простить. Ты не мать семейства, ты выездной цирк. Только шатра не хватает.

— Как вы смеете?!

— Легко. Я пятнадцать лет молчала, пока ты называла мою крестницу неблагодарной и учила её правильно дышать рядом с Кириллом. Теперь язык развязался. Боюсь, быстро обратно не завяжется.

— Я буду жаловаться!

— Кому именно? В управляющую компанию? Я уже звонила. Там подтвердили, что менять замок может только собственник. А собственник — Вера. Не ты, не Кирилл и не твоё оскорблённое материнское сердце.

Слесари старательно делали вид, что растворились в стене. Один уткнулся в телефон, второй принялся читать надписи на коробке.

Лариса Аркадьевна ткнула в меня пальцем.

— Ты всё это подстроила! Настроила против меня тётку, выставила Кирилла дураком перед Андреем, привела посторонних людей, а теперь ещё мешаешь нанять слесарей!

— Я не мешаю их нанять. Можете нанять хоть десятерых и отвезти к себе домой. Мою дверь трогать не надо.

— Здесь будет новый замок. Кирилл не хочет, чтобы ты шаталась по квартире, пока он решает, что с тобой делать.

От этих слов по спине прошёл холод. Кирилл часто говорил именно так, что делать с моим увольнением, с моей картой, с моими встречами, со мной самой. Будто я была задачей, которую следовало поручить более разумному человеку.

Я медленно выдохнула и заставила себя не повышать голос.

— Кирилл больше не решает, что со мной делать. Я взрослая женщина и сама выбираю, куда мне ходить, где жить и с кем разговаривать.

— Ты замужем! В браке жена должна слушаться мужа.

— В браке люди договариваются. А если один из них под-

дельывает подпись другого, это уже не семейная жизнь, а повод поговорить со следователем.

Лариса Аркадьевна побледнела, затем снова покраснела. Она открыла рот, но ответить не успела, из-за угла появилась Кира. Телефон она держала перед собой, а на лице было то особое выражение, с которым люди либо снимают катастрофу, либо надеются на миллион просмотров.

— Мама, не останавливайся! — крикнула она. — Я всё снимаю, у тебя отлично получается.

— Кира, убери телефон!

— Не могу, у меня уже три тысячи зрителей.

— Каких ещё зрителей? Что ты устроила?

— Прямой эфир. Люди пишут, что ты очень убедительная. Одна женщина спрашивает, где ты купила плащ.

Свекровь замерла, переводя взгляд с Киры на телефон и обратно. До неё медленно дошло, что семейный скандал перестал быть семейным и превратился в контент.

— Выключи немедленно!

— Если я сейчас прерву эфир, упадут охваты.

— Какой ещё охват? Ты снимаешь, как твоя мать разговаривает с чужими людьми!

— Это не чужие люди, а наша семейная драма. Подписчики такое любят. Особенно всем понравилось, как ты сказала, что жена должна слушаться мужа. В комментариях уже спорят.

— Кто спорит?

Кира развернула экран к матери. Та достала очки на цепочке, надела их и, щурясь, прочитала:

— «Маман из девяностых, но в плохом смысле». Что это вообще означает?

— Ты не попала в современную повестку, — терпеливо объяснила Кира. — Но у тебя есть сторонники. Один мужчина написал, что ты похожа на его тещу, и поставил три огонька.

— Мне не нужны огоньки от посторонних мужчин! Мне нужно, чтобы эта неблагодарная девка вернулась к моему сыну и перестала позорить семью!

Я скрестила руки на груди.

— Лариса Аркадьевна, вы всё ещё в прямом эфире. Может, повторите медленнее, чтобы зрители успели записать?

Она поперхнулась воздухом. Кира уже направила камеру на слесарей.

— А вот мастера, которые приехали менять замок. Мужчины, представьтесь, пожалуйста. Как вас зовут?

— Это необязательно, — пробормотал тот, что держал дрель, и попятился к лестнице.

— Ну скажите хотя бы, что вы чувствуете, когда видите, как мать мужа пытается выгнать жену из её собственной квартиры?

Мужчина задумчиво посмотрел на лифт.

— Я чувствую, что мне пора покурить.

Кира одобрительно кивнула и перевела телефон на меня.

— Вера, скажи что-нибудь подписчикам. Только сильное, чтобы все поняли твою позицию.

Я посмотрела в объектив. За ним сидели незнакомые люди, ели завтрак, читали комментарии и решали, кто из нас прав. Ещё вчера это показалось бы мне унижительным. Сегодня мне вдруг стало почти смешно. Если моя жизнь всё равно превратилась в дешёвый сериал, я хотя бы могла перестать играть в нём бессловесную жену.

— Моя позиция простая, — сказала я. — Я не продаю квартиру, не подписывала никаких документов и не собираюсь возвращаться к человеку, который заблокировал мой счёт и сообщил начальнику, что я якобы сошла с ума. Если вам интересно, оставайтесь. Похоже, дальше действительно будет веселее.

Кира присвистнула.

— Отлично. Я потом сделаю из этого рилс.

— Ничего ты не сделаешь! — Лариса Аркадьевна бросилась к телефону.

Кира отскочила и задела локтем коробку. Новый замок вывалился на пол, прокатился по коридору и с грохотом ударился о плинтус.

— Вот! — вскрикнула свекровь. — Посмотрите, до чего вы меня довели! Я сейчас упаду в обморок!

— Падай, — спокойно разрешила Зоя. — Только отойди от двери. Людям ещё ходить надо.

— Вы чудовище!

— Нет, я практичный человек. Если уж падать в обморок, то хотя бы не перекрывая эвакуационный выход.

Обморок не состоялся. Лариса Аркадьевна схватила мой чемодан, дёрнула выдвижную ручку и потащила его к лифту. Сломанное колесо гроыхало по плитке.

— Я забираю свои вещи! И не смейте меня преследовать!

— Это мой чемодан, — напомнила я.

— Ты украла мой. Значит, я имею право на ответный удар.

Она втащила чемодан в лифт. Кира шагнула следом, продолжая снимать.

— Не переживай, я прослежу, чтобы она ничего не выбросила, — сказала она мне. — У нас с тобой теперь общий проект.

— Какой ещё проект?

— Семейный скандал. Он набирает просмотры.

Двери закрылись, отрезав возмущённый голос Ларисы Аркадьевны на словах «немедленно прекрати» мы все устали в сторону лифта, который с воем уносил вниз обиженную женщину и просмотры. В коридоре стало почти тихо. Слесари уже собирали инструменты.

— Значит, замок не меняем? — на всякий случай уточнил мужчина с дрелью.

— Не меняем.

— А выезд кто оплатит?

— Лариса Аркадьевна, — ответила Зоя. — Она вас вызвала. Если откажется, напишите ей в мессенджере. Там у

неё сейчас повышенная активность.

Мужчины переглянулись и направились к лестнице. Один пробормотал другому, что в следующий раз нужно брать предоплату. Я прислонилась к стене и закрыла глаза. В висках стучало, во рту пересохло, колени всё-таки дрожали, но под привычным страхом появилось новое чувство. Не уверенность, до неё было далеко, а скорее азарт, потому что я впервые ответила не так, как от меня ждали.

— Ты как? — Зоя тронула меня за локоть.

— Жить буду. Даже из вредности.

— Вот и правильно. Только, когда войдём, открой окно. После Ларисы в подъезде, как после пожара. Дыма нет, а дышать всё равно трудно.

Я усмехнулась и достала ключи. Рука не дрожала.

В квартире было тихо и холодно. Я прошла по комнатам, проверила окна и заглянула в шкаф. Рубашки Кирилла висели ровным рядом, часы лежали на тумбочке, зарядка тянулась к пустой половине кровати. Всё выглядело так, будто он вышел за кофе и скоро вернётся.

Когда-то я любила этот порядок. Потом поняла, что в нём было место для каждой вещи и почти не осталось места для меня.

Зоя задержалась в прихожей, внимательно осматривая

дверь.

— Замок цел. Не успела твоя свекровь его поломать.

— Нужно поблагодарить соседку.

— Я уже отправила ей коробку конфет. Бдительные соседи полезнее камер наблюдения.

Я села на пуфик, оставаться мне здесь не хотелось. Не потому, что Кирилл мог вернуться. Просто каждая вещь напоминала, как старательно я училась быть удобной, не занимать много места в шкафу, не спорить при гостях, не тратить свои деньги без объяснений и не обижаться на слова, которые он называл шутками.

— Возьму тёплые вещи, — сказала я. — Потом поедем.

— Бери только нужное, моя квартира не резиновая.

Я сложила в дорожную сумку свитера, джинсы и зимние сапоги. Забрала документы и несколько фотографий. На кухне остановилась перед шкафчиком и подумала, а что ещё мне нужно?

Зоя наблюдала за мной из дверей.

— Вот теперь вижу, что ты приходишь в себя.

Я хотела отшутиться, но не смогла. Только крепче прижала банку с печеньем к груди, потом всё-таки убрала её в сумку.

Мы уже собирались уходить, когда телефон завибрировал. На экране появилось уведомление из Росреестра: регистрационные действия временно приостановлены, для уточнения оснований необходимо обратиться в отделение.

Я перечитала сообщение дважды. Сердце забилося быстрее, но на этот раз не от беспомощности.

— Что там? — спросила Зоя.

— Сделку приостановили. Квартиру не успели переоформить, но мне нужно срочно подать официальное возражение. Иначе регистрацию могут продолжить.

Зоя кивнула так, словно мы обсуждали список покупок, а не попытку отнять у меня жильё.

— Значит, завтра с утра едем в Росреестр. Возьмём документы и твой характер. Последний сегодня уже начал подавать признаки жизни.

Я застегнула сумку и ещё раз оглядела прихожую. В глубине квартиры тикали часы. Раньше этот звук раздражал, а теперь казался почти обнадеживающим, время шло, и Кирилл больше не мог распоряжаться каждой моей минутой.

— Поехали, — сказала я и закрыла дверь на ключ.

Впервые этот щелчок прозвучал не как конец, а как моё собственное решение.

Глава 5

Я пришла в банк, в очередной дождливый день. В носу сразу защекотало, но чихать я не стала, потому что очередь и без того смотрела на мир так, будто любое лишнее движение могло задержать её ещё на час.

Зоя осталась ждать в машине. Перед тем как я вышла, она

сунула мне в карман мятную конфету и велела не соглашаться ни на страховку, ни на кредит, ни на «уникальное предложение, которое действует только сегодня».

— Особенно если скажут, что вы заботитесь о моём будущем, — предупредила она. — Моё будущее уже пытались застраховать три раза. Оно сопротивляется.

Я пообещала быть осторожной, хотя через двадцать минут ожидания была готова оформить ипотеку на кладовку, лишь бы очередь в банке начала двигаться.

Когда на табло наконец появился мой номер, я села напротив молодой сотрудницы с бейджем «Алина». У неё был аккуратный пучок, безупречный маникюр и улыбка человека, которого учили одинаково приветливо сообщать и об одобренном кредите, и о финансовой катастрофе.

— Чем могу помочь? — спросила она, придвинув к себе клавиатуру.

— Хочу открыть отдельный счёт на своё имя. И выяснить, как отозвать доверенность, которую я оформляла на мужа.

Алина быстро нашла мои данные, пробежалась глазами по экрану и осторожно уточнила:

— Решение связано с изменением семейных обстоятельств?

Формулировка была такой деликатной, будто семейные обстоятельства слегка простудились, а не устроили разборки со всеми родственниками.

— Связано с тем, что муж заблокировал наш общий счёт

и натравил на меня всю родню.

Улыбка Алины дрогнула, но устояла. Профессиональная подготовка победила человеческое любопытство.

— Понимаю. Иногда супруги по-разному оценивают расходы и порядок распоряжения средствами.

— Кирилл оценил их настолько строго, что я не могу снять даже те деньги, которые внесла сама. Поэтому хочу счёт, где мои расходы будет оценивать только один человек. Это я.

Алина кивнула и застучала по клавиатуре. Пока она проверяла информацию, я думала, сколько подобных историй проходит через её руки. Наверное, женщины у этого стола делились не на замужних и незамужних, а на тех, кто вовремя открыл отдельный счёт, и тех, кому пришлось объяснять, почему у них внезапно не осталось доступа к собственной зарплате.

— Вижу уведомление о возможных мошеннических действиях по общему счёту, — сказала она, перестав улыбаться.

— Операции приостановлены до завершения проверки.

— И что именно вы проверяете? Жива ли я? Узнаю ли своё отражение? Не собираюсь ли потратить три тысячи рублей без разрешения мужа?

— В том числе нужно подтвердить, что между владельцами счёта нет спора о распоряжении деньгами.

— Спор есть, — признала я. — Он хочет распоряжаться всем, а я больше не согласна на такое.

Теперь Алина смотрела на меня внимательнее. Не с жалостью, и за это я была ей благодарна.

— Тогда отдельный счёт действительно лучше открыть. По общему подайте письменное заявление и приложите документы, подтверждающие происхождение средств. Проверка займёт несколько дней.

— А если Кирилл снова позвонит и скажет, что я не в себе?

— Одного звонка недостаточно, — ответила она после короткой паузы. — Но как совладелец счёта он мог официально потребовать проверку. Вы, в свою очередь, имеете право оспорить ограничения.

— Хорошо. Значит, оспарю. А потом постараюсь больше не заводить общих счетов с людьми, которые используют банк как электронный поводок.

Алина опустила глаза, пряча улыбку, и подвинула ко мне бланки. Я заполняла их медленно, стараясь писать разборчиво. В графе «цель открытия счёта» указала: «Личные накопления». Хотелось добавить: «И возвращение чувства собственного достоинства», но банковская форма была слишком маленькой для моей семейной драмы.

Через двадцать минут передо мной лежала новая карта. Я провела большим пальцем по гладкому пластику и задержалась на имени. Вера Лаврова. Без Кирилла и без разрешений семейного совета.

— Спасибо, — сказала я, убирая карту в кошелёк.

— Если появятся вопросы, обращайтесь, — ответила Алина, и на этот раз её улыбка была не служебной.

— Теперь вопросы у меня будут появляться регулярно. Кажется, я слишком долго боялась их задавать.

Я вышла на улицу и в лицо мне ударил запах прохлады от дождя. Я нашла в кармане мятную конфету, развернула её и впервые за это утро почувствовала, что сделала нечто важное. Со стороны — всего лишь открыла счёт, но для меня — вернула себе маленький кусок жизни, который раньше почему-то считала общим имуществом.

Следующий квест ждал меня в МФЦ. Люди сидели с таблонами в руках, дети ползали между стульями, а женщина у соседнего окна пыталась доказать, что фамилия через «е» и та же фамилия через «ё» принадлежат одному человеку.

Сотрудник слушал её, но подозревал, что перед ним всё-таки близнецы.

Я устроилась под табло и поставила сумку на колени. В ней лежали паспорт, копии документов и синяя папка из кабинета Кирилла. Папка была не такой уж тяжёлой, но ремень сумки врезался в плечо, словно там находились не бумаги, а кирпичи от развалившегося брака.

Зоя присылала сообщения каждые десять минут.

«Ты как?»

«Не забудь выпить воды».

А потом: «Если кто-то будет хамить, вспомни, что ты пережила утку, которую готовила, накануне».

После истории с уткой, а потом и поддельной подписью, на семейном ужине меня действительно было трудно напугать обычной бюрократией.

Когда подошла моя очередь, я объяснила девушке за стеклом, что хочу подать возражение против регистрационных действий и отозвать доверенность, выданную Кириллу. Она оказалась внимательной и не перебивала, только уточняла даты и просматривала копии.

— Доверенность нотариальная? — спросила она, задержавшись на одном из листов.

— Да. Я оформила её шесть лет назад. Тогда мне казалось удобным, что муж может заниматься документами вместо меня.

Я хорошо помнила тот день. Кирилл опаздывал на встречу, нотариус торопил, а я подписывала бумаги, потому что доверяла человеку, с которым жила. Теперь это воспоминание казалось не доказательством моей глупости, а квитанцией за дорогой урок.

— Для отзыва доверенности понадобится отдельное заявление, — пояснила девушка. — По квартире регистрация уже приостановлена?

— Да, мне пришло уведомление. Но согласия на продажу я не давала, а подпись в договоре не моя.

Сотрудница перестала листать бумаги и посмотрела на меня поверх монитора.

— Тогда обязательно обратитесь в полицию. Если подпись подделана, речь идёт уже не только о споре между супругами.

— Я понимаю. Поеду сегодня.

Она приняла заявление, выдала мне расписку и объяснила, что отслеживать статус можно через личный кабинет. Я отошла к высокой стойке, чтобы убрать документы, и ещё раз взглянула на копию договора.

Адрес квартиры был написан неправильно: «Чистопрудный бульвар» вместо «Чистопрудного». Одна и та же ошибка повторялась несколько раз. Будто договор составляли не заново, а переписывали со старого образца, не проверяя ни слова.

Я раскрыла синюю папку и стала перебирать остальные бумаги. Та же форма адреса встретилась ещё в двух документах. И тогда я вспомнила старое свидетельство о наследстве, которое хранилось у Зои. Там тоже была эта ошибка. Много лет назад я решила, что нотариус просто устал или не любил падежи. Теперь случайность выглядела слишком закономерной.

Я набрала крёстную.

— Тётя Зоя, у тебя сохранились бумаги по наследству родителей?

— Конечно. Я храню все документы. Что случилось?

— Хочу сравнить точное название улицы. В договоре по квартире есть ошибка в адресе, и, кажется, такая же была в старых бумагах.

Зоя помолчала. Когда она не отвечала сразу, это означало, что мысль ей не понравилась.

— Приезжай. Посмотрим вместе. Только бумаги на кухонном столе не раскладывай, у нас там обед.

— Обед может немного подождать.

— Вера, в этой квартире ждать могут мужчины, сантехники и конец света. Суп остывать не должен. Но ради тебя я поставлю его на самый маленький огонь.

К вечеру Зоин кухонный стол всё-таки превратился в архив. Суп пришлось переселить на подоконник, чем крёстная была недовольна почти так же сильно, как Кириллом.

Мы разложили копии, выписки и старые свидетельства по годам. Фёдор наблюдал за нами с жёрдочки, наклонив голову. Время от времени он издавал короткий хриплый звук.

— Осуждает, — сообщила Зоя. — Он считает, что документы нужно хранить по папкам.

— Скажи ему, что он может лично заняться сортировкой. Фёдор расправил крылья и отвернулся. Видимо, руководство входило в его обязанности, а физический труд нет.

Я нашла старое свидетельство и положила рядом с дого-

вором.

— Вот. Здесь тоже написано «Чистопрудный бульвар». Та же ошибка, то же построение фразы.

Зоя надела очки, прочитала обе строки и поджала губы.

— Значит, документы делал один человек. Или их готовили по одному шаблону.

— Но наследство оформляли больше пятнадцати лет назад. Я тогда Кирилла даже не знала.

— Ты — не знала, — медленно произнесла она. — А твой отец знал Бессонова-старшего.

Я подняла голову.

— Отца Кирилла?

— Не близко. Они пересекались по работе. Когда возник вопрос с наследством, твой отец советовался с юристом, которого ему порекомендовал Бессонов. Фамилию юриста я не помню, но контора была с ними связана.

В комнате стало тихо. Даже Фёдор перестал комментировать нашу работу.

— Почему ты раньше не рассказывала?

— Потому что тогда это выглядело обычной помощью знакомого, — Зоя сняла очки и потёрла переносицу. — Никто не строит семейный заговор из рекомендации юриста. И уж точно никто не мог предположить, что через годы ты выйдешь замуж за сына этого человека.

Я откинулась на спинку стула. До сих пор мне казалось, что всё началось недавно с попытки продать квартиру и за-

блокированного счёта. Теперь нитка уходила в прошлое, к родителям и наследству.

От этой мысли стало холодно.

— Нужно найти квитанцию, которая выпала из чемодана Ларисы Аркадьевны.

— Я убрала её в конверт, — ответила Зоя. — И прежде чем ты начнёшь искать преступный синдикат под моей сахарницей, скажу одну вещь. Если связь действительно тянется столько лет, тебе нельзя действовать в одиночку.

— Я и не собираюсь. Но разбираться буду сама.

— Это разные вещи, — заметила она и сжала мою ладонь. — Самой принимать решения не значит самой таскать шкаф.

Я посмотрела на документы. Вопросов стало больше, но страх неожиданно отступил. На его месте появилось любопытство. Будто я много лет жила в комнате, не замечая двери, а теперь увидела ручку.

— Завтра покажу всё юристу. Надо покопаться в прошлом этой семейки.

— Вот и правильно. А сегодня поешь суп. Расследование на голодный желудок заканчивается либо ошибками, либо покупкой пирожка на заправке.

Фёдор одобрительно свистнул.

— Видишь? — сказала Зоя. — Даже птица понимает основы безопасности.

На следующий день мы встретились с юристом в небольшом кабинете на Садовом кольце. За окном ползли машины, по стеклу стекали капли, а Сплит - система жарила так, словно пыталась высушить всю Москву сразу.

Зоя сидела рядом со мной, положив сумку на колени. Напротив устроился седой мужчина с усталым лицом и внимательными глазами. Андрей стоял у окна и листал копии документов с таким видом, будто кабинет принадлежал ему, а юрист временно взял стол в аренду. Меня начинали раздражать они оба. Один всем видом показывал свлю неспособность, а другой ну прям хозяин жизни, «ни дат не взять».

Мне это не понравилось ещё до того, как он успел что-нибудь сказать.

Юрист долго изучал договор, сравнивал подписи и делал пометки. Наконец снял очки.

— Ситуация неприятная, но не безнадёжная. Подпись действительно отличается от образцов. Если экспертиза подтвердит, что она не ваша, то можно смело начинать следственные действия.

— Сколько это займёт? — спросила я.

— Зависит от экспертизы и суда. Сейчас главное отнести заявление в полицию, возражение в Росреестр и отзыв доверенности.

— Возражение я уже подала. Заявление на отзыв тоже.

Юрист одобрительно кивнул и продолжил объяснять, какие документы понадобятся для иска. Я слушала, записывала и старалась не думать о сроках. Несколько месяцев назад один поход в банк казался мне непосильным. Теперь я собиралась спорить с Кириллом в суде и почему-то боялась этого меньше, чем его спокойного голоса за семейным ужином.

— Есть один нюанс, — сказал юрист. — Ваш супруг может утверждать, что вы дали устное согласие на сделку. Тогда придётся доказывать обратное и отдельно разбираться с подписью.

— Я согласия не давала.

— Я вам верю, Вера. Но суд работает не с доверием, а с доказательствами.

Андрей закрыл папку и подошёл к столу.

— Основанием будет подделка подписи. Кроме того, у нас есть документы, из которых видно, что сделку начали готовить ещё до разговора с Верой. Это ставит под сомнение добросовестность Кирилла.

Он говорил спокойно и уверенно. Именно так, как говорят люди, привыкшие входить в комнату и сразу занимать всё свободное пространство.

Я медленно повернулась к нему.

— Вера сама объяснит, на каком основании собирается оспаривать сделку.

Андрей замолчал. Юрист занялся бумагами с таким усердием, словно внезапно обнаружил там редкую орфографию.

ческую ошибку. Зоя не вмешалась, но я заметила, как она крепче взялась за ручку сумки. Видимо, на случай если спор перейдёт в рукопашную и ей придётся достать термос.

— Я хотел уточнить юридическую позицию, — сказал Андрей после паузы.

— Нет, вы озвучили её за меня. В моём присутствии. Даже не дав мне договорить.

По его лицу прошла короткая тень раздражения, но он удержался от привычного возражения. Для Андрея это, вероятно, было почти духовным подвигом.

— Я могу оставить вас на несколько минут, — предложил юрист.

— Не нужно, — ответила я. — Просто дальше я буду говорить сама. Если мне понадобится помощь, я попрошу.

— Разумный порядок, — заметил он.

Андрей вернулся к окну. Я видела, что ему хочется вмешаться, поправить, ускорить разговор и заодно спасти всех от неэффективности. Но на этот раз он промолчал.

Я разложила перед юристом копии.

— Я хочу оспорить сделку, отозвать доверенность и выяснить, связаны ли эти документы с оформлением наследства моих родителей. В договоре неправильно указан адрес. Та же ошибка встречается в старых бумагах, которые готовили больше пятнадцати лет назад. Тогда мой отец обращался в юридическую контору, связанную с семьёй Бессоновых.

Юрист сравнил страницы и нахмурился.

— Ошибка и правда характерная. Одно совпадение ничего не доказывает, но одинаковые формулировки могут указывать на общий источник. Понадобятся архивные документы: договоры, квитанции, переписка, сведения о нотариусе и юристах, которые занимались наследством.

— Поэтому я и пришла. Хочу понять, что искать и как получить это законно.

Мы подробно обсудили порядок запросов. Я записала названия архивов, сроки и перечень бумаг. Андрей больше не говорил за меня, хотя пару раз открывал рот и вовремя вспоминал, что сегодня тренируется быть человеком, способным ждать.

Когда юрист закончил, я повернулась к Андрею.

— Мне может понадобиться помощь с архивами и поиском той конторы. Но если вы хотите помочь, делайте только то, о чём я попрошу.

Он выдержал паузу и кивнул.

— Хорошо. Никаких решений за вашей спиной.

— И никакой самостоятельности.

— Постараюсь.

— Нет. Не постарайтесь. Просто не делайте.

Уголок его рта дрогнул.

— Принято. Формулировка достаточно ясная.

Юрист кашлянул, скрывая облегчение, а Зоя тихо пробормотала:

— Надо записать дату. Мужчина понял со второго раза,

это почти праздник.

Андрей покосился на неё, но спорить не стал.

Перед нашим уходом юрист ещё раз напомнил, что с заявлением в полицию лучше не затягивать. Кирилл умел убеждать людей и наверняка попытается представить происходящее обычной семейной ссорой, в которой жена погорячилась.

Но я больше не собиралась доказывать, что имею право сердиться. Мне нужно было доказать подделку, и это казалось гораздо проще.

Я собрала бумаги. Руки не дрожали. Внутри установилось странное спокойствие, которое приходит, когда перестаёшь ждать спасения и начинаешь разбирать завал сама, лист за листом.

У выхода Андрей придержал для нас дверь, а потом тихо позвал:

— Вера, задержитесь на минуту.

Зоя выразительно посмотрела сначала на меня, потом на него.

— Я буду внизу. Если что, кричи громко. В сумке у меня термос, он тяжёлый.

Когда она ушла, Андрей опустил руку с дверной ручки и посмотрел на меня без привычной насмешки.

— Вы были правы. Я слишком часто говорю за других. Мне кажется, что так быстрее и безопаснее, но от этого никому не легче.

Признание далось ему непросто. Я видела это по напряжённым плечам и по тому, как он избегал смотреть на папку в моих руках.

— Значит, придётся отвыкать.

— Придётся, — согласился он. — И если вам нужна помощь с архивами, я дождусь просьбы.

— Посмотрим.

На этот раз он не стал убеждать меня, что уже всё решил. Просто отступил, освобождая проход.

Я вышла на улицу. Дождь закончился, фонари отражались в лужах, а по мокрому асфальту ветер гонял жёлтые листья. Впереди ждала полиция, экспертиза, суд и наверняка ещё много неприятных разговоров. Но я стояла на своих ногах и впервые ясно понимала: Андрей может придержать дверь, только выйти через неё должна я сама.

Глава 6

Андрей приехал к дому крёстной в субботу утром. Я заметила его из окна. Он стоял возле машины, подняв воротник пальто, и очень внимательно смотрел на подъезд..

Дождь был мелкий, почти невидимый. Такой обычно кажется безобидным ровно до тех пор, пока не обнаружишь, что промокла до белья. Пока я искала сумку и застёгивала сапоги, плечи Андрея успели потемнеть от воды.

— Твой хмурый знакомый опять приехал, — сообщила

Зоя, не отрываясь от сковородки. — Стоит под дождём и, кажется. Сейчас растает.

— Он не мой.

— Ну разумеется. Поэтому ты уже минуту пытаешься застегнуть молнию на сапоге, который давно застёгнут.

Я посмотрела вниз. Зоя не преувеличивала. Взяв сумку, я вышла. Фёдор проводил меня возмущённым свистом. Похоже, попугай считал, что приличная женщина не должна встречаться с мужчинами без веских на то оснований.

Андрей обернулся на звук двери. С волос стекали капли, его лицо было усталым. Наверное, почти не спал, но спрашивать об этом прямо мне не хотелось. Забота могла быть неправильно понята, особенно мною и в свете последних событий.

— Вы обещали документы, — сказала я вместо приветствия.

— Они в машине.

— Тогда почему вы стоите здесь и мокнете?

— Жду вас. Я до конца не был уверен, что вы выйдете.

Он произнёс это спокойно, без упрёка. Я усмехнулась и прошла к машине. Андрей открыл заднюю дверь, и я села в салон. На сиденье лежала толстая папка. Я сразу потянула её к себе.

— Разрешения можно не спрашивать, — заметил он, устраиваясь за рулём.

— Я и не собиралась. Это же касается меня и моего иму-

щества.

— Уже понял.

В папке были распечатки переписки, банковские выписки и копии договоров. Я читала, стараясь не пропустить ни одной даты, но всё равно замечала Андрея краем глаза. Он не торопил меня и ничего не объяснял без просьбы. Просто сидел, положив руки на руль, и смотрел сквозь мокрое стекло.

— Вы это всю ночь собирали? — спросила я.

— Часть была готова. Остальное уточнял утром.

— То есть не спали.

— Спал.

Я подняла голову.

— Сколько?

— Достаточно.

— В переводе с вашего языка это означает «час в кресле и пять минут в лифте»?

Уголок его рта дрогнул.

— В лифте не получилось. Там музыка мешала.

Я вернулась к бумагам, скрывая улыбку. С ним всё чаще случалось это странное наваждение, сначала хотелось ударить папкой, а потом спросить, ел ли он сегодня. Меня настораживали оба желания.

— Здесь нет выписок за прошлый месяц.

— Банк пришлёт их в понедельник. Я запросил ещё вчера.

— Хорошо. Тогда едем в архив, пока у меня есть силы общаться с людьми.

Андрей потянулся к ключу, но остановился.

— Вера, у нас три варианта. Можно начать с архива, можно поехать к юристу или сразу обратиться в полицию. Выберите вы.

Я не сразу поняла, почему эта фраза заставила меня оторваться от папки. Он не сказал, что будет лучше и не объявил готовое решение. Просто перечислил варианты и замолчал.

— Архив, — ответила я. — Сначала соберём документы. Дальше посмотрим.

— Хорошо.

Машина тронулась. Дворники мерно ходили по стеклу, радио бормотало новости, а я смотрела на мокрые дома и никак не могла отделаться от мысли, что Андрей действительно услышал меня. Не понял по-своему, не пообещал постараться, а взял и спросил.

Для большинства людей мелочь. А вот для меня почти историческое событие.

Мы приехали к зданию архива. Андрей везде подавал мне руку и открывал двери, пропуская меня вперёд. Его манеры никак ни вписывались в тот образ, о котором я слышала. За этими мыслями я не заметила, как мы нашли нужный кабинет. Женщина за стойкой долго изучала мой паспорт, потом заявление, затем снова паспорт. По её лицу было видно, что

лично я не вызывала доверия, а вот моя фотография тем более.

Нас отправили ждать в коридор. Мы сели на жёсткую скамейку и положив папку между собой.

— Вы действительно думаете, что документы по наследству связаны со сделкой с квартирой? — спросил Андрей.

— Пока не знаю. Но один и тот же неправильный адрес встречается в бумагах, которые составляли в разное время. Либо кто-то копировал старый шаблон, либо один человек приложил руку к обоим делам.

— Может быть обычная небрежность. Ка владелец крупного уверяю, что девяносто процентов бед.

— Может. Но эта небрежность дважды оказалась в моей жизни, и оба раза рядом была семья Кирилла. Я хочу знать, кто готовил бумаги.

Андрей кивнул и больше не спорил. Он умел слушать, когда не торопился спасти человечество от его собственных решений.

Ждать пришлось почти час. Я успела прочитать все объявления на стенах, включая правила эвакуации и пожелтевшее поздравление с Новым годом. Судя по нарисованной крысе, висело оно здесь не первый сезон.

Наконец нам вынесли копии. Я устроилась на широком подоконнике и начала сверять страницы. Андрей стоял рядом, но не заглядывал через плечо. После Кирилла, который считал содержимое моего телефона общей семейной соб-

ственностью, такая сдержанность казалась почти экзотикой.

На третьей странице я увидела знакомую строку.

— Вот. Тот же адрес и та же формулировка.

Андрей наклонился, чтобы рассмотреть документ. Его плечо оказалось слишком близко, и я машинально отодвинулась. Он сразу выпрямился, не сделав вид, будто ничего не заметил, и не попытавшись превратить мою реакцию в проблему.

— Документ готовил юрист, который работал с отцом Кирилла, — сказала я. — Значит, совпадение уже не выглядит случайным.

— Нужно выяснить, он ли занимался сделкой с квартирой.

— Сначала узнаем, кто вёл наследственное дело полностью. Потом сравним фамилии и подписи. Если совпадут, пойдём к юристу.

— Согласен.

Это короткое слово прозвучало непривычно. Раньше Андрей наверняка сказал бы, что уже всё проверил и назначил встречу на удобное ему время. Теперь он ждал, пока я сама сложу копии в папку.

За окном снова усилился дождь.

— Пойдёмте, — сказала я. — У меня есть зонт.

— У меня тоже.

— Ваш оставьте в машине и наверняка сломан.

Андрей посмотрел на меня с удивлением.

— Откуда вы знаете?

— Вчера видела, как вы пытались его открыть. Он вывернулся наизнанку и едва не унёс вас за собой.

— Вот не надо сейчас выдумывать, я удержался.

— Благодаря фонарному столбу.

Он тихо рассмеялся. Не усмехнулся из вежливости, а действительно рассмеялся, и на секунду стал выглядеть моложе и гораздо менее заносчивым.

— Оказывается, вы умеете, — заметила я.

— Держаться за столбы?

— Нет, смеяться.

— Иногда получается. Если меня правильно подготовить.

Мы вернулись в мой район, Андрей остановил машину у моего подъезда. Домой не хотелось, совсем. На улице я раскрыла зонт. Андрей не вырвал его у меня, как сделал бы ещё неделю назад, а протянул руку.

— Можно?

Я передала ему ручку. Он держал зонт так, чтобы вода не стекала мне на плечо, и подстроился под мой шаг. Из-за разницы в росте нам всё равно пришлось идти близко. Рукав его пальто касался моего, и от этого простого прикосновения я почему-то начала слишком внимательно смотреть под ноги.

— Вы всегда идёте со стороны дороги? — спросила я, ко-

гда Андрей в очередной раз поменялся со мной местами.

— Почти всегда.

— Зачем?

— Там машины, лужи и люди, которые не смотрят перед собой.

— И вы решили собрать всё это на своей стороне?

— Мне так спокойнее.

— Вам вообще спокойно только тогда, когда вы стоите между кем-нибудь и опасностью?

Андрей немного помолчал.

— Сейчас мне достаточно, чтобы вы не промокли.

Я уже приготовилась пошутить, но не стала. В его голосе не было ни позы, ни требования оценить жест. Он просто держал зонт, а его правое плечо тем временем темнело от дождя.

Мы прошли мимо маленькой кофейни. Из приоткрытой двери доносился аромат кофе, корицей и тёплым молоком, и я невольно замедлилась.

— Зайдём? — предложила я. — Хочу согреться.

— Конечно.

Внутри было почти пусто. Я заказала капучино и только у столика заметила, что Андрей ничего не взял. Он стоял возле окна, спрятав руки в карманы.

— А вы?

— Благодарю, я не хочу.

— Вы же не ели и не спали.

— Мы говорили только про сон.

— Значит, с едой я угадала.

Он посмотрел на меня так, будто бы я поймала его на серьёзном преступлении.

— Я не пью кофе. Он горький.

— А чая в природе не существует?

Пальцы у него были красными от холода. Я вернулась к стойке, заказала большой чай и взяла сэндвич. Андрей нахмурился, когда я поставила всё перед ним.

— Я не просил.

— Знаю. Ужасное чувство, правда? Когда кто-то решил за вас, что вам нужно.

Он посмотрел на меня, потом на стакан.

— Ладно, это я заслужил.

— Не драматизируйте. Чай можно не пить, сэндвич можно не есть. Но тогда я буду сидеть напротив и осуждать вас взглядом.

— Это угроза?

— Предупреждение.

Андрей обхватил стакан ладонями. Пальцы почти сразу расслабились.

— Спасибо, — сказал он после паузы. — И за чай, и за наглядный урок.

— Пожалуйста. Вы держали зонт, я купила вам горячий чай. Почти честный обмен.

— Почти?

— Сэндвич дорогой. Теперь вы должны мне ещё минут семь хорошего поведения.

Он снял упаковку и впервые за утро перестал выглядеть так, будто держится исключительно на упрямстве. Мы сидели у окна, грели руки о стаканы и смотрели, как прохожие перебегают улицу, прикрывая головы сумками. Несколько минут можно было не говорить о Кирилле, полиции и документах.

— Почему вы не сказали, что замёрзли? — спросила я.

— Вы хотели пройтись, и я не хотел вас торопить.

Андрей отпил чай и посмотрел на меня поверх стакана.

— В следующий раз сначала уточню, куда мы идём. Потом проверю зонт и наличие ближайшей кофейни.

— Вот видите, какое благотворное влияние я оказываю на вас, — я не удержалась, чтобы не уколоть его.

— Начинаю опасаться, что скоро стану нормальным человеком.

— Не обольщайтесь. Работы много.

Я улыбнулась и поняла, что не заставляла себя это делать. Улыбка появилась сама, без привычного расчёта, а именно достаточно ли она вежливая, не выглядит ли глупо, не решит ли собеседник, что я что-то обещаю. Я просто сидела напротив Андрея, пила капучино и смотрела, как он послушно ест купленный мною сэндвич.

Мне давно не было так легко рядом с мужчиной. И именно поэтому стало тревожно.

Обратно мы снова пошли под одним зонтом. Дождь усилился, и Андрей опустил его ниже, закрывая мне лицо от капель. Он по-прежнему держался со стороны дороги, но теперь это не раздражало. Возможно, потому, что он не пытался сделать из своей заботы долговую расписку.

— Вам не кажется, что мы ходим кругами? — спросила я.

— Кажется. Но вы хотели пройтись.

— Я хотела подумать, а в голове вместо мыслей список: архив, банк, юрист, полиция. Иногда хочется просто выключиться.

— Когда мне нужно разобраться в голове, я езжу по ночной Москве, — сказал Андрей. — Без маршрута. Если повежёт, через час мысли выстраиваются в очередь. Если нет, то хотя бы бензин заканчивается.

— Часто ездите?

— Раньше чаще.

Мы свернули к Чистым прудам. Под ногами хлюпала вода, фонари дрожали в лужах. На мокрых скамейках лежали листья, прилипшие к доскам.

— А сейчас почему перестали?

Андрей не ответил сразу. Он смотрел вперёд, чуть щурясь от дождя.

— Всё время куда-то торопился. Казалось, если остано-

люсь, кто-нибудь успеет сделать ход раньше меня.

— Помогло?

— В работе — да. В обычной жизни я много чего не заметил.

Он сказал это без привычной уверенности. Я посмотрела на него и впервые увидела не человека, у которого на всё есть план, а мужчину, привыкшего бежать так быстро, что остановка пугала его сильнее поражения.

— Значит, вам тоже есть чему учиться.

— Я уже купил тетрадь.

— Надеюсь, в клетку. Для особо трудных случаев.

— И ручку на цепочке, чтобы ничего не потерять.

Мы пошли дальше. Под зонтом было тесно, наши локти то и дело соприкасались, но я больше не отстранялась. Мне нравилось его тепло рядом, и признавать это самой себе было страшнее, чем изучать сомнительные договоры Кирилла.

У подъезда Андрей вернул мне зонт. Его пальцы на мгновение задержались на ручке.

— Спасибо за прогулку, — сказал он.

— Это вы меня выгуливали.

— Не соглашусь. Дорогу выбирали вы.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Вы действительно учитесь.

— Медленно. Зато без подсказок.

Телефон в кармане завибрировал. Я достала его и открыла уведомление из общего чата, куда Кирилл несколько лет

назад добавил родственников, друзей и каких-то людей, которых называл «наш круг». На экране была фотография: мы с Андреем шли под одним зонтом, почти прижавшись друг к другу.

Подпись Кирилла гласила: «Надеюсь, теперь всем понятно, почему она устроила этот спектакль».

Я перечитала сообщение дважды. Первая мысль была привычной, что нужно было срочно объяснить, где мы были, зачем встречались, почему шли рядом. Вторая пришла следом и оказалась гораздо яснее, что я не обязана объяснять всем этим людям, где одна половина меня ненавидит, а другую я не знаю.

— Что случилось? — спросил Андрей.

Я показала ему экран.

— Кирилл решил выступить режиссёром моей жизни. Теперь я, видимо, коварная изменница, а он пострадавшая сторона.

Андрей прочитал сообщение, и его лицо стало жёстким.

— Он переводит разговор с документов на вас. Ему нужно, чтобы вы начали оправдываться.

— Знаю. Раньше уже печатала бы длинное сообщение.

Пальцы всё равно дрожали. Я сжала телефон крепче и посмотрела на фотографию. На ней не было ничего постыдного, всего лишь двое людей шли по улице под дождём. Но Кирилл всегда умел добавить к обычному кадру нужную подпись, а потом заставить всех поверить именно ей.

— Я могу ответить, если хотите, — сказал Андрей. — Он мой тон узнает даже по ту сторону экрана.

— Нет.

Он сразу кивнул.

— Хорошо, будь по-вашему.

Я убрала телефон в карман.

— Отвечать не буду. И удалять фото тоже не стану. Пусть висит. Я не собираюсь доказывать людям, что могу пройти по улице под одним зонтом и не разрушить нравственные основы общества.

— Разумно.

— Но если вы ещё раз попадёте со мной в кадр без предупреждения, я отберу у вас машину.

— Почему не зонт?

— Зонт у вас сломан. В наказании должен быть смысл.

Андрей рассмеялся и отступил на шаг.

— Тогда придётся внимательнее смотреть по сторонам.

— Идите домой. Вы снова мокнете.

— Вы тоже.

— Я уже у подъезда, а вам ещё ехать. Это не спор, Андрей.

Он приподнял бровь, но спорить не стал.

— Хорошо. До понедельника?

— Напишите сначала.

— Обязательно.

Я вошла в подъезд и только на лестнице услышала, как внизу хлопнула дверь, а через минуту заурчал мотор.

В квартире пахло яблочным пирогом. Зоя встретила меня в прихожей, окинула взглядом мокрое пальто и протянула полотенце.

— Ну что, нагулялась?

— Более чем.

— Судя по лицу, сначала вы спорили, потом мирились, а потом снова нашли повод для неприятностей.

— Мы пили чай.

Зоя замерла.

— Добровольно?

— Почти. Я купила Андрею чай и заставила его съесть сэндвич.

— Вот так и начинаются опасные отношения. Сегодня сэндвич, завтра запасная зубная щётка.

— Зоя!

— Молчу. Но щётку всё равно спрячь.

Я сняла сапоги и прошла на кухню. На столе стоял пирог, а Фёдор сидел в клетке и косился на мою сумку так, будто подозревал, что документы предназначены ему в пищу.

— Кирилл выложил в общий чат нашу фотографию, — сказала я, садясь. — Написал, что теперь всем понятна причина моего «спектакля».

Зоя, уже занёсшая нож над пирогом, остановилась.

— Вот же гадёныш. Ты ответила?

— Нет. Сначала хотела объяснить, что мы ездили в архив.

Потом поняла, что если начну оправдываться, то он получит именно то, чего добивается.

— Правильно поняла. А Северин что?

— Предложил ответить за меня.

Зоя прищурилась.

— И?

— Я отказалась. Он сказал: «Хорошо».

— Просто хорошо?

— Просто хорошо.

Она отрезала мне большой кусок пирога и поставила рядом чашку.

— Тогда у хмурого есть надежда.

— Не начинай, пожалуйста.

— Даже не собиралась. Я вообще говорю про его воспитание.

Я отломил кусочек пирога. Тёплые яблоки пахли корицей, тесто крошилось на тарелку. После сырого архива, дождя и сообщения Кирилла кухня казалась отдельным миром, где главной проблемой было не дать Фёдору добраться до еды.

— Завтра поедem в полицию, — решила Зоя. — А если твой муж продолжит выступать в чате, я расскажу всем, как его мать заказала сорок килограммов гречки и подписку на канал о разводе.

— Не надо. У нас и без того достаточно семейного контента.

— Жаль. У меня уже был готов заголовок: «Бессоновы готовятся к жуткому скандалу и разделу имущества». Лариска, наверное, уже точит топор.

Я рассмеялась, хотя несколько минут назад мне казалось, что уже не смогу.

— Думаю, нет. Ей сейчас некогда, — добавила я и начала фантазировать. — Помнишь, как Кира снимала семейный скандал, пока свекровь визжала у моей двери про то, что мать мужа главнее?

— Забудешь такое!

— Наверное она до сих пор в комментариях под эфиром всех воспитывает, — я не удержалась и рассмеялась ещё сильнее, запрокинув голову.

Телефон лежал рядом экраном вниз. Он снова завибрировал, но я не потянулась проверять сообщение.

В сумке были копии, подтверждавшие связь между наслідством и семьёй Кирилла. Завтра предстояла полиция, в понедельник — банк, а дальше могло случиться что угодно. Я по-прежнему не знала, чем закончится эта история.

Но впервые за долгое время её продолжение зависело не только от Кирилла.

— Сначала ешь, — сказала Зоя, пододвигая ко мне тарелку. — Революции на голодный желудок заканчиваются плохо.

Глава 7

В понедельник я заметила, что мир вокруг меня стал немного добрее. Коллеги не переставали болтать, когда я заходила в комнату, никто не замирал на полуслове, но это «почти нормальное» поведение выдавало их с потрохами. Аня из соседнего отдела осторожно улыбнулась, будто я была сделана из тонкого стекла и могла рассыпаться от слишком бодрого «привет». Даже корректор Миша зачем-то придержал передо мной дверь, хотя я была ещё в трёх метрах от неё. В общем, всё вокруг так и кричало о моем внезапном статусе «проблемной женщины». И судя по всему, такое «счастье» всех пугало.

Аня долго мялась на месте, держа в руках какую-то бумажку, но потом она набралась решимости, подошла и положила бумагу рядом с моей чашкой и зачем-то поправила стопку рукописей, которую до этого месяц обходила стороной.

— Олег Сергеевич просил передать. Ты сначала кофе выпей, а потом сходи.

— После такого вступления мне уже хочется чего-нибудь покрепче.

Аня не улыбнулась, и я отодвинула чашку. На листке было написано: «Вера, зайди, пожалуйста. Есть вопрос по одному из твоих проектов. Ничего срочного». Последние два слова

почему-то тревожили сильнее всего.

Я взяла телефон и пошла к начальнику. У стола корректоров притих разговор, кто-то уткнулся в монитор с усердием, которого от него не добивались даже перед сдачей номера в печать. Возможно, обсуждали вовсе не меня, но после того, как Кирилл всех пытался убедить о моём психическом здоровье, я уже не умела спокойно проходить мимо чужого шёпота.

Олег Сергеевич указал на стул и отложил бумаги. Обычно он сразу переходил к делу, а сейчас снял очки, протёр их и посмотрел на меня так, что я села, даже не дожидаясь приглашения.

— Звонили по переводам для юридического отдела. Заказчик хочет, чтобы проект пока вёл другой редактор.

— Я что-то пропустила? Они прислали замечания?

— К работе претензий нет, — поспешно ответил он и положил очки на стол. — Но до них дошли какие-то сведения о твоих личных обстоятельствах. Беспокоятся, что ты не справишься со сроками.

Я опустила взгляд на собственные руки. На указательном пальце остался след от ручки, вчера до половины одиннадцатого я сверяла их правки. Ни одной просрочки, ни одного письма без ответа, зато теперь кому-то понадобилось убедиться, что я вообще способна работать.

— Он так и сказал, «личные обстоятельства»?

— Ещё употребил слово «нестабильность». Вера, мне

неприятно это повторять.

— А мне неприятно, что мой муж добрался до заказчиков. Олег Сергеевич чуть подался вперёд.

— Ты уверена, что это он?

— Подобное я слышала дома столько раз, что могу узнать без подписи. Если я соглашалась с Кириллом, со мной всё было хорошо. Если спорила, то сразу же начинались разговоры о моих нервах. Что вы ответили?

— Что ты работаешь как обычно и оснований менять редактора я не вижу. Он попросил всё-таки подумать.

Мне стало немного легче, хотя по тому, как начальник избегал моего взгляда, было ясно, что разговор на этом не закончится.

— Спасибо. За то, что не согласились сразу.

— Вера, я ценю тебя как специалиста, но заказчик у нас крупный. Если он будет настаивать, придётся искать выход. Может быть, тебе удастся поговорить с мужем? Не мириться, я не об этом. Как-то объяснить, что работу сюда вмешивать нельзя.

Я медленно выдохнула. Хотелось спросить, не предложит ли он мне заодно составить Кириллу памятку о хорошем поведении, но Олег Сергеевич выглядел не жестоким, а растерянным. Ему принесли чужую неприятность, и он пытался вернуть её владельцу.

— Он не случайно вмешивает сюда работу. Ему нужно, чтобы я испугалась и вернулась. Если я сейчас позвоню и

попрошу оставить меня в покое, он поймёт, что нашёл способ на меня давить.

— Я не знаю всей вашей истории.

— Я и не прошу вас разбираться в нашем браке. Просто смотрите на мою работу. Если я сорву срок, то обсудим срок. Если допущу ошибку, буду исправлять. Но я не знаю, как исправлять то, что обо мне рассказывает Кирилл.

Начальник помолчал, потом снова надел очки.

— Хорошо. Пока проект остаётся у тебя. Я ещё раз поговорю с заказчиком, но обещать, что он передумает, не могу.

— Это я понимаю. Если всё же решите передать работу, пожалуйста, сначала скажите мне.

В коридоре ждала Аня, прижимая к груди папку. Судя по тому, что она держала её вверх ногами, срочных дел у неё здесь не было.

— Ну как? — спросила она, заглядывая мне в лицо.

— Пока не увольняют. Один заказчик решил, что мои семейные неприятности заразны и могут перекинуться на переводы.

— Кирилл постарался?

Я кивнула, и Аня стиснула губы.

— Я всегда считала его неприятным. Только не говорила, потому что ты с ним жила.

— Спасибо, что теперь можно не сдерживаться.

— Можно я начну после обеда? У меня сейчас совещание, а за пять минут я не уложусь.

Я всё-таки улыбнулась. Аня сжала мою руку и побежала на звонок, а я осталась у окна. Внизу мужчина пытался закрыть зонт, одновременно удерживая стакан кофе, и сердито разговаривал с обоими. Ещё вчера я бы просто посмотрела на него и пошла работать. Сегодня стояла и считала, на сколько мне хватит отложенных денег, если Олег Сергеевич всё-таки уступит крупному клиенту.

От этой мысли стало страшно, по-настоящему, без всяких красивых слов о новой жизни. Я любила свою работу, знала её и не хотела терять только потому, что мужу не понравилось моё решение уйти. Постояв ещё минуту, я вернулась к столу и открыла переводы. Хотя бы здесь я пока понимала, что делать.

Фотография под зонтом с Андреем сработала идеально. Кирилл, будучи мастером тонких манипуляций, не стал писать всем, что я ему изменяла, это было бы слишком грубо и дешево. Он просто показал снимок и добавил пару многозначительных фраз, оставив остальным возможность самим дорисовать картину. А люди обожают додумывать, и в ход пошло устное народное творчество. Для полного комплекта не хватало только кружевного белья в номере отеля, но бельё Ларисы Аркадьевны в этой истории уже и так фигурировало в отдельной серии.

Я попыталась зарыться в работу, но почта принесла новый сюрприз. Роман Витальевич, тот самый крупный клиент, о котором мы спорили с начальником, он четыре года работал только со мной из-за моей феноменальной скорости реакции, вдруг решил передать мой проект другому сотруднику. Он решил не дожидаться, когда продавиться Олег Сергеевич и решил давить сразу на меня.

В конце письма он приписал, что в связи с моей «непростой личной ситуацией» мне будет трудно сохранять объективность. Я чуть не рассмеялась, видимо, профессионализм у женщин вытекает из организма одновременно с семейным благополучием.

Я набрала его номер, и он ответил своим фирменным приторно-мягким голосом, которым обычно сообщают о смерти комнатного растения, но никак не о разрыве сотрудничества. Роман Витальевич начал заводить песню о том, что он не сомневается в моих качествах, но Кирилл позвонил ему и «попросил позаботиться», чтобы меня не нагружали как обычно, потому что я якобы не сплю и принимаю решения под влиянием другого человека.

— Кирилл не имеет никакого отношения к моей работе, Роман Витальевич, — отрезала я, стараясь, чтобы телефон в руке не треснул от напряжения. — И уж точно он не может решать, какую нагрузку я способна перенести.

Он замялся, кашлянул и попытался перевести тему на мою личную жизнь, заявив, что просто проявляет понима-

ние. Я закрыла глаза, чувствуя, как внутри закипает злость. Почему мужское «понимание» всегда выглядит как заблокированный счёт или совет попить успокоительного? Я потребовала официальное письмо с рабочей причиной смены редактора, заявив, что моё душевное состояние не является основанием для кадровых перестановок. В итоге я отключилась первой, не дав ему возможности снова назвать меня «прекрасным специалистом». Продолжать этот каламбур не было смысла.

В груди ворочалась тяжёлая злость. Немного успокоившись я чуть лучше стала понимать свои эмоции, мне не хотелось крушить мебель, а наоборот, подойти к «горящей избе» с холодной головой. Она четко показывала, куда бить словами, чтобы люди поняли, что я не та жалкая жертва, которую им продал Кирилл.

— Вера, ты только не обижайся, — раздалось рядом.

Я подняла голову и увидела Лену из отдела рекламы. Она прижимала к груди папку и смотрела на меня с таким искренним сочувствием, что мне стало физически плохо. Она начала осторожно советовать мне не принимать резких решений в эмоциональном состоянии и предложила отложить развод и полицию на потом, когда я «успокоюсь».

— А Кириллу тоже стоит отложить решения? Например,

продажу моей квартиры? Или порчу моей репутации, на неопределенный период! — я вскинула бровь, глядя на неё с иронией.

Лена засуетилась, забормотала, что не оправдывает его, но со стороны всё выглядит слишком резко, мол, столько лет вместе, и вдруг появляется другой мужчина, и ты сразу уходишь.

— Кирилл, конечно, подлец, но рубануть с плеча ты всегда успеешь, — пробормотала Ленка.

Я объяснила ей, что Андрей появился уже после того, как Кирилл начал свои махинации, а ушла я не к любовнику, а к крёстной с попугаем, который ненавидит меня просто так, без всяких фотографий. И вообще, не ей меня жизни учить. У самой семеро по лавкам и муж, в вечном поиске вдохновения, пока что он нашёл его на диване и иногда бегает «медитировать» в гараж с мужиками. Но я не стала её тыкать носом, женщина она добрая и энергичная. Сил хватает тянуть свою жизнь и давать советы другим людям.

Когда Лена попыталась снова «поддержать» меня, я попросила её в следующий раз сначала спросить, какая именно поддержка мне нужна, а не читать лекции о правильном поведении. Она быстро ретировалась, а я снова посмотрела на экран компьютера. Кирилл нашёл способ держать меня в клетке, даже не запирая дверь — он просто убедил всех вокруг, что выпускать меня на волю опасно.

К обеду страсти в офисе немного утихли, но воздух всё ещё казался тяжёлым, словно невидимые руки душили меня. Я сидела за столом, глядя в монитор, но буквы расплывались. Меня бесило всё: эта гнетущая тишина, которая наступала, когда я вставала за водой, сочувственные вздохи коллег и это бесконечное, едва слышное шушуканье за спиной. В какой-то момент я даже тихонько рассмеялась, откинувшись на спинку стула. Какая ирония, что за десять лет я не смогла сплотить этот коллектив ни одним корпоративом, а тут всего одна история с подделкой подписи и фотографией под зонтом, и вуаля! Теперь у всех есть общая тема для обсуждения, общая тайна и общая «бедняжка Вера», которую нужно оберегать от её собственных эмоций.

Я не выдержала. Встала, схватила сумку и, не глядя на Аню, вышла из офиса. Мне нужно было пространство, где стены не будут шептать о моей «нестабильности».

Я дошла до ближайшего сквера и опустилась на старую скамейку. Сентябрьский ветер обдал меня холодом, но я даже не застегнула пальто. Я просто сидела и перебирала в голове события последних лет, пытаюсь понять, в какой именно момент всё пошло не так. Как я могла так ошибиться в человеке? Ведь в начале нашего брака я в Кирилле души не чаяла. Я искренне, до каждой клеточки, любила его. Он был моим сказочным принцем, который пришёл и забрал меня

из серого одиночества, окружая заботой, которая позже оказалась просто очень качественной упаковкой для контроля.

Лариса Аркадьевна... Ну, она всегда была клинической душой, с этим я смирилась быстро. Её манеры, её вечные претензии к моей утке или способу заправлять постель были просто фоновым шумом, как капающий кран. Но даже она не была настолько жестокой раньше. Или я просто была слишком удобной, чтобы её жестокость проявлялась открыто? А Кира... Кира и до этого была настоящей гадиной. Эта девочка-блогер с лицом куклы и сердцем из льда обожала указывать мне на моё место, напоминать о моем происхождении и смотреть на меня так, будто я всего ли пятно грязи на её идеальных белых кроссовках.

И тут меня пронзила неожиданная мысль. Я вдруг поняла, что из всей этой «счастливой» семьи Кира была самой честной. Она единственная никогда не притворялась. Она не улыбалась мне, чтобы потом заблокировать счёт, и не говорила, что любит, чтобы забрать квартиру. Она просто ненавидела меня с первого дня и делала это открыто. Господи, если честность измеряется в уровне ненависти и наглости, то Кира была святой.

Мысли завели меня в сторону чёрного юмора, и я поймала себя на том, что начинаю находить какие-то положительные стороны в этом тотальном бардаке.

— Раньше я действительно верила, что я дура, — прошептала я в пустоту сквера, и на губах появилась кривая усмешка.

ка. — Свекровь годами вдалбливала мне, что мне сказочно повезло, что они, такие благородные, подобрали сиротку и дали ей шанс на нормальную жизнь. Ой, а ведь лучше бы я и правда была дурой. Красивой, наивной, пустой дурой, какой они все меня хотели видеть. Это бы избавило меня от стольких моральных дилемм. Я бы даже слова такого не знала, как «абыюз», и просто жила бы в своём розовом пузыре, пока мне не разрешили бы сходить за хлебом.

Я улыбнулась, и эта улыбка была первой за долгое время по-настоящему тёплой и искренней. Мне стало почти легко от осознания того, что я больше не обязана соответствовать их идеалу «благодарной жены».

В этот момент в кармане завибрировал телефон. СМС от Андрея.

«Хочешь, я сегодня твоему мужу сделку окончательно сорву? Сделаю так, что он даже в риелторском агентстве больше не сможет дышать. Считай это моим возвратом в счёт того сэндвича, которым ты меня угостила».

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри разливается тепло. Андрей в своём репертуаре: прямолинейный, резкий и совершенно не умеющий быть деликатным. Сначала я хотела написать, что не нужно, что они с Кириллом и так сами себя «зароют» в своих интригах, и что я не хочу быть обязанной даже сэндвичем. Но тут телефон пискнул снова.

Новое сообщение. На этот раз от Ларисы Аркадьевны. Всего одно слово, которое ударило по глазам, как пощёчина:

«Прошмандовка...»

Я замерла. Лицо мгновенно окаменело, а в груди что-то сжалось, но не от боли, а от концентрированного бешенства. Это слово было таким типично «ларисным», грубым, примитивным и говорил о её бессилии. Она больше не могла играть в «высокое общество» и «семейные ценности», потому что маски слетели. Осталась только злая, обиженная женщина, которая пыталась задеть меня единственным доступным ей способом.

Я снова посмотрела на сообщение Андрея. Моя злость на свекровь мгновенно переросла в азарт. Я быстро забила текст, чувствуя, как пальцы буквально летают по экрану.

«А давай! Я тебе ещё таких сэндвичей накуплю, хоть целым заводом буду торговать! Кстати, а какую месть можно заказать за домашний наполеон? А то у меня тут накопилось несколько обид, которые требуют возмездия».

Я отправила сообщение и откинулась на спинку скамьи, ожидая ответа. Андрей молчал. Возможно, он был за рулём или просто обдумывал масштаб предстоящего разрушения за торт «Наполеон».

Тишину сквера внезапно разорвал звук резко, с визгом тормозов, отъехавшего автомобиля. Я вздрогнула и обернулась. В конце аллеи, прямо у края тротуара, стоял знакомый чёрный внедорожник Кирилла. Он не выходил из машины, но я чувствовала его взгляд сквозь тонированное стекло. Он стоял там всего несколько секунд, а потом резко нажал на

газ, обдав меня облаком выхлопных газов и оставив после себя звенящую, тяжёлую тишину.

Мне стало не по себе. Это не было похоже на случайную встречу, скорее на предупреждение.

Я посмотрела на телефон. Ответа от Андрея всё ещё не было, но в верхней части экрана высветилось новое уведомление от Кирилла.

«Я всё вижу, Вера. И тебя, и твоего нового друга. Помни, что в этой игре я знаю правила, а ты только учишься читать по слогам».

Глава 8

В обед позвонила Инна. Голос у неё был расстроенный, будто она сообщает о смерти любимого хомяка, поэтому я сразу поняла, что разговор будет «полезным». Она ждала меня у скамейки напротив издательства, смешно зарывшись подбородком в огромный шарф, из-за которого была похожа на очень грустную гусеницу. На мокром сиденье сиротливо лежал пакет из пекарни, который подруга тут же прижала к пальто, едва завидев меня.

— Я тебе булочку привезла, — Инна попыталась улыбнуться, но вышло как-то натянуто. — Ты же наверняка опять весь день на одном кофе сидишь и пытаешься обмануть своё тело?

— Сегодня съела две конфеты, так что питание почти раз-

нообразное, — я усмехнулась, глядя на её виноватый вид. — Спасибо за заботу, но давай сразу к делу. Ради чего ты проделала этот путь через весь город в такую погоду?

— Почему ты сразу так, будто я приехала предъявлять тебе счёт за аренду жизни? — Инна обиженно надула губы, но взгляд остался тревожным. — Я просто хотела тебя увидеть.

— Могла бы. Но тогда ты не смотрела бы на меня такими жалостливы глазами. Выкладывай.

Она тяжело вздохнула и потянула за край шарфа, глядя куда-то в сторону луж.

— Я видела ту фотографию в чате. И, честно говоря, не выдержала и написала Кириллу, чтобы он её убрал. Мне показалось, что это слишком даже для него.

Я замерла, перестав разворачивать пакет с выпечкой. Внутри что-то неприятно ёкнуло, словно кто-то с силой сжал моё сердце.

— И что этот стратег ответил? — тихо спросила я.

— Что он безумно волнуется за тебя, Вера! — Инна всплеснула руками, едва не выронив пакет. — Говорит, что ты не отвечаешь на звонки, он в полном отчаянии и уже просто не знает, как до тебя достучаться. Он выглядит таким искренним, когда говорит о своей любви к тебе.

— О, конечно. Поэтому он решил начать «спасательную операцию» с моей работы? — я горько усмехнулась. — Инна, до заказчика уже дошли слухи о моей «ненадёжности» и эмоциональной нестабильности. Сегодня на планерке мы

очень деликатно обсуждали, не пора ли меня заменить на кого-то более предсказуемого.

— Господи, Вера... — Инна хотела было присесть на скамейку, но я вовремя придержала её за локоть, спасая от ледяной воды на досках. Она посмотрела на мокрое сиденье и устало выдохнула. — Слушай, может, тебе всё-таки вернуться ненадолго? Только не сердись, пожалуйста, я не предлагаю тебе снова стать его домашним «питомцем». Просто сделай вид, что вы помирились, чтобы он перестал крушить всё вокруг и отстал от твоей карьеры. А когда он успокоится, ты спокойно подготовишь почву и уйдёшь окончательно.

Я посмотрела на булочку в руке. Она была ещё тёплой, и от этого контраста, тёплого хлеба и ледяного совета стало совсем тошно. Инна приехала, мёрзла, заботилась о моём состоянии, но в итоге всё равно предлагала вернуться в тот ад, из которого я едва вырвалась.

— Я уже готовилась, Инна. Деньги откладывала по копейке, документы собирала втайне, как шпион в тылу врага. Ты правда думаешь, что если я сейчас приползу обратно с извинениями, он даст мне «вторую попытку» быть свободной? Он не даёт попыток, он даёт повод чувствовать себя виноватой.

— Но если тебя уволят, будет ещё хуже, ты же сама понимаешь, что финансовая зависимость — это кандалы, — Инна заговорила быстрее, пытаясь убедить в этом и меня, и себя.

— Понимаю. Я всё утро об этом думаю, и от этих мыслей хочется лезть на стену, — я убрала булочку обратно в пакет и сунула озябшие руки в карманы. — Помнишь, я не поехала с вами на выходные? Сказала, что у Кирилла какая-то сверхважная встреча и мне нужно помочь с документами?

— Помню, Даша тогда ещё ругалась, что дом уже оплачен и мы ждём тебя.

— Так вот, никакой встречи не было, — я посмотрела подруге прямо в глаза. — Он три дня почти не разговаривал со мной просто потому, что я захотела провести пару дней с подругами, а не с его мамой. А когда я отказалась ехать, он вдруг принёс мои любимые пирожные и с этой своей сахарной улыбкой сказал: *«Вот видишь, дорогая, мы же можем договориться»*. И знаешь, что самое страшное? Я тогда даже обрадовалась. Почувствовала, что в доме наконец можно нормально дышать. Это и есть его метод, сначала задушить, а потом дать глоток воздуха, чтобы ты подумала, что он твой спаситель.

Инна смотрела куда-то мимо меня, и я вдруг заметила, как сильно она осунулась. В её глазах была та самая знакомая мне усталость, когда ты годами пытаешься сгладить углы там, где уже давно всё развалилось.

— Если я вернусь сейчас, всё будет тем же, даже ещё хуже, — продолжила я тише. — Сначала он станет самым ласковым мужчиной в мире. Потом попросит забрать заявления, подписать какую-нибудь бумагу или извиниться перед

его матерью за «недоразумение». А я буду соглашаться, потому что буду помнить, что бывает, если отказать. Я больше не хочу жить в ожидании удара.

— Ты раньше об этом не так говорила, — пробормотала Инна, отводя взгляд.

— Раньше я была профессиональным лжецом в собственном исполнении. Было просто стыдно признаться, что мне до смерти страшно спорить с собственным мужем.

Инна отвернулась и быстро провела пальцем под глазом. Я хотела её обнять, но побоялась спугнуть этот момент честности. В итоге она сама шагнула ближе и уткнулась лбом мне в плечо.

— Прости меня, — наконец прошептала она. — Ты рассказываешь, что он делает, а я всё пытаюсь найти способ, где тебе ещё можно уступить, чтобы всё стало нормально. Я правда думала, что помогаю тебе выжить.

— Я знаю. Но когда ты предлагаешь вернуться, мне на секунду кажется, что я действительно всё преувеличила и просто капризничаю. А потом я вспоминаю, почему я ушла, и становится ещё хуже.

— Больше не буду. Честное слово. Если я снова начну запевать эту песню про «терпение и мягкость», просто напомни мне этот разговор.

— Обязательно. Только без булочки в следующий раз не приезжай, а то я привыкну к такому сервису и вообще перестану работать, — я попыталась перевести всё в шутку.

Инна рассмеялась, вытирая нос салфеткой. Глаза у неё были красные, а вид помятый, но я почувствовала к ней такую внезапную нежность, что злиться больше не имелось сил. Она не превратилась в борца за права женщин за десять минут, но она меня услышала.

Остаток перерыва мы провели в маленькой кофейне за углом. Инна буквально заставила меня съесть всю булочку, сама заказала такую же, но в итоге оставила половину на тарелке, задумчиво помешивая чай. Про Кирилла мы больше не говорили, эта тема была исчерпана до дна. На прощание она крепко сжала мою руку, и в этом жесте было больше поддержки, чем во всех её советах.

— Если с работой что-нибудь случится, сразу говори. Я не знаю, чем смогу помочь, но мы что-нибудь придумаем. Квартиру Даши в крайнем случае оккупируем.

На этот раз я ей поверила.

К вечеру я почти убедила себя, что день пройдёт без сюрпризов. Переводы проверила, заказчику письмо отправила и даже вспомнила, что у Зои закончился хлеб, мелочь, но такая бытовая деталь почему-то успокаивала. Но стоило мне выйти из издательства, как весь мой хрупкий покой разлетелся в щепки. Кирилл стоял у машины в том самом пальто, которое мы когда-то выбирали вместе, и смотрел прямо на

дверь. Я невольно замедлила шаг, а потом с яростью выругалась про себя за эту секундную слабость и нарочно направилась к остановке.

— Вера, подожди! Я не для того сюда приехал, чтобы бегать за тобой по всей улице, — крикнул он мне в спину.

Он произнёс это со своей фирменной улыбкой, почти шутливо, будто мы просто затеяли весёлую игру в догонялки. Мимо как раз проходили две коллеги, они вежливо поздоровались с ним и с откровенным любопытством уставились на меня, пытаясь понять, что за драма разыгрывается в центре тротуара.

— Тогда не бегай, Кирилл. Я еду домой, — отрезала я, даже не оборачиваясь.

— Вот и отлично, я тебя отвезу. Заодно и поговорим спокойно, без лишних зрителей, — он подошёл ближе и с видом истинного джентльмена открыл пассажирскую дверь.

Раньше этот жест казался мне верхом заботы, а сейчас я смотрела в знакомый кожаный салон и вспоминала, как однажды мы сорок минут сидели на парковке в полной тишине, просто потому что он не хотел заканчивать разговор, пока я не признаю его правоту.

— Я не сяду в машину. Если тебе действительно есть что сказать, говори здесь и сейчас, — я скрестила руки на груди, стараясь не дрожать от холода и злости.

Кирилл закрыл дверь чуть сильнее, чем требовалось, и этот резкий звук заставил меня вздрогнуть.

— Ты просто исчезла, перестала брать трубку, подала какие-то странные заявления. Сколько этот цирк будет продолжаться? — он прищурился, и его голос стал холоднее.

— До тех пор, пока ты не вдолбишь себе в голову, что я не вернусь, — ответила я, чувствуя, как внутри закипает старая, привычная обида. — Твоя мать пыталась поменять замки в моей квартире. Это не цирк?

— Ты сейчас просто злишься и не думаешь о последствиях. Со счетами ты устроила какой-то хаос, я даже не знаю, что ты там натворила...

— Доступ к деньгам закрыл ты, — перебила я его, глядя прямо в глаза. — Не надо пытаться переписать историю, я прекрасно помню, что произошло.

Кирилл быстро оглянулся на вход в издательство и понизил голос, переходя на тот самый вкрадчивый тон, от которого у меня всегда начинали чесаться ладони.

— Дура, я защитил наши общие деньги, Вера. Ты в своём нынешнем состоянии могла перевести их кому угодно, а потом сама бы разрыдалась от осознания ошибки.

Перемена в лице Кирилла мне совсем не понравилась. Сейчас он был больше похож на одержимого маньяка, а на самого себя. Я медленно достала телефон и включила диктофон. Палец сначала соскользнул с кнопки, и мне пришлось нажать ещё раз, что ужасно меня разозлило. Кирилл заметил эту заминку и коротко усмехнулся, но когда понял, что я записываю разговор, улыбка мгновенно исчезла с его лица.

— Ты серьёзно решила меня записывать? Как в каком-то дешёвом детективе? — он с недоумением повёл плечами.

— Именно так. А то у нас после каждого разговора выясняется, что я опять всё «не так поняла» или вообще выдумала. Теперь у нас будут доказательства.

— Твою мать, Вера, убери телефон. Мы же не чужие люди, — он попытался сделать шаг ко мне, но я отступила.

— Тогда тем более не должно быть никаких проблем. Ты хотел поговорить, я слушаю. Только давай без этой твоей манеры «заботиться» о моём психическом здоровье.

Он убрал руки в карманы и несколько секунд просто разглядывал меня, словно оценивал товар на витрине.

— Тебе кто-то посоветовал этот спектакль с записями? Северин? — в его голосе прорезалась неприкрытая неприязнь.

— Я вполне способна пользоваться телефоном без подсказок Андрея, — я постаралась, чтобы мой голос звучал максимально иронично.

— Не смешно. Этот человек лезет в нашу семью, а ты почему-то позволяешь ему это делать. Ты хоть представляешь, что ему от тебя на самом деле нужно? — он произнёс имя Андрея с таким отвращением, будто оно было грязным словом.

Мне до безумия захотелось его защитить, я даже открыла рот, чтобы что-то возразить, но вовремя остановилась. Я поняла, что если сейчас начну обсуждать Андрея, то мы про-

сто пропустим всё самое важное, и Кирилл снова переведёт тему на себя.

— Я ушла не потому, что в моей жизни появился Андрей. Я ушла от тебя, Кирилл. И сейчас я хочу спросить, зачем ты рассказываешь людям на моей работе, что со мной «что-то не так» и мне нужна помощь?

Кирилл чуть приподнял брови, изображая крайнее недоумение.

— Ты хочешь сказать, что мне, как любящему мужу, нельзя беспокоиться о жене?

— Сегодня мой заказчик попросил заменить меня в проекте. Вот к чему привело твоё «беспокойство». Ты просто выжигаешь вокруг меня всё живое.

— Значит, и он что-то заметил в твоём поведении, — он равнодушно пожал плечами.

От злости у меня даже перестали мёрзнуть руки. Кирилл увидел моё лицо и тут же переключил режим на «заботливого спасателя», заговорив мягче и медленнее.

— Послушай, я не хочу, чтобы ты осталась без работы, правда. Но ты просто взвалила на себя слишком много, ты выгорела. Вернись домой, отдохни пару недель, и мы всё уладим. Мама тоже очень переживает за тебя.

— Твоя мама переживает только о том, что теперь некому готовить ужин и разносить кофе, — я не сдержала едкой усмешки.

— Не начинай снова. Она столько для тебя сделала за эти

годы, будь хоть немного благодарной.

Я громко рассмеялась, и Кирилл недовольно сжал губы, его маска добродетеля начала трескаться.

— Кирилл, я не собираюсь сейчас перечислять, кто кому сколько котлет нажарил. Я прошу тебя об одном, оставь мою работу в покое.

— А я прошу тебя перестать выставлять нашу семью посмешищем перед всеми знакомыми. Думаешь, мне приятно объяснять людям, что происходит в нашем доме?

— Не объясняй. Просто молчи. Это будет самая большая помощь, которую ты можешь мне оказать.

Он внезапно шагнул ближе, и я невольно отступила к стене. От него пахло тем самым знакомым парфюмом, а воротник пальто был чуть загнут. На одну секунду меня накрыло нелепое желание поправить этот воротник, как я делала сотни раз за девять лет. Рука даже дёрнулась, но я вовремя сжала телефон крепче, буквально впиваясь пальцами в корпус.

Кирилл заметил это движение и улыбнулся, на этот раз тепло, как в самом начале нашей семейной жизни.

— Помнишь, как я тебя первый раз подвёз? Ты промокла насквозь, дрожала, но всё равно упрямо спорила, что тебе удобнее доехать на автобусе. А потом всю дорогу держала сумку на коленях, будто я собирался её украсть прямо в салоне.

Я помнила. Помнила, как он прибавил печку, чтобы я согрелась, и как не стал задавать лишних вопросов, когда я

вдруг расплакалась от дикой усталости. От этого воспоминания защипало глаза, и мне стало обидно. Я хотела злиться, а вместо этого на мгновение соскучилась по тому человеку, которым он когда-то притворялся.

— Помню, Кирилл. Но это ничего не меняет.

— Неужели у нас совсем не осталось ничего хорошего? Только боль и обиды?

— Было много хорошего. Я именно поэтому и оставалась так долго, всё время вспоминала того парня из машины, надеясь, что он вернётся.

Он протянул руку, собираясь коснуться моего лица, но я резко отстранилась.

— Не надо. Не трогай меня.

Кирилл медленно опустил ладонь, и его взгляд мгновенно стал ледяным, как зимнее утро.

— Ты ведь даже не представляешь, как будешь жить одна. Сейчас тётя тебя поддерживает, Северин изображает из себя героя, но потом всем это надоест. И что ты будешь делать, когда останешься в полной пустоте?

— Не знаю всего наперёд. Мне страшно, если тебе так важно это услышать. Но домой я не вернусь, даже если ты приползёшь на коленях.

— В квартиру, которую моя семья помогла тебе получить, ты при этом вернуться не откажешься? — в его голосе проскользнула опасная нотка.

Я подняла на него глаза, не понимая, о чём он говорит.

— При чём здесь твоя семья? Квартира досталась мне от родителей, это моё наследство.

— Конечно, тебе всегда всё доставалось само собой, — с явным раздражением бросил он. — Отец всё оформил ещё тогда, в своё время. Ты даже не представляешь, сколько усилий было приложено, чтобы у тебя была эта квартира.

Я замерла, стараясь не смотреть на телефон, чтобы не выдать своего замешательства.

— Что именно оформил твой отец? О чём ты говоришь? Кирилл выдержал театральную паузу и медленно поправил манжету пальто.

— Помог с бумагами, навел порядок. Я не собираюсь сейчас разбирать на улице дела десятилетней давности. Просто мне очень неприятно слышать твои обвинения после всего, что для тебя было сделано.

— А документы с моей подписью, это тоже была «помощь»?

— Ты их подписывала, Вера. То, что ты сейчас этого не помнишь или решила «забыть», не делает меня виноватым.

— Я их не подписывала, Кирилл! — почти выкрикнула я.

— Вот поэтому я и говорю, что тебе нужно срочно успокоиться. Я знаю тебя лучше, чем ты сама. Ты сейчас наговоришь лишнего, а разгребать этот мусор потом мне.

Он произнёс это с такой уверенностью, что я снова почувствовала знакомый, тошнотворный импульс. А вдруг я и правда забыла? Вдруг перепутала? Я девять лет сверяла свою

память с его настроением, и этот механизм сработал даже сейчас. Но почти сразу меня захлестнула волна отвращения к самой себе.

— Нет, — сказала я, отодвигая телефон подальше от него. — Разбираться буду я. И в документах, и в том, что ты сейчас ляпнул про своего отца.

Кирилл посмотрел на экран, затем на меня, и его голос стал абсолютно чужим.

— Ты очень пожалеешь, если понесёшь всё это чужим людям. Поверь мне на слово.

В его голосе больше не было ни заботы, ни любви, только холодная угроза, и от этой перемены мне стало страшнее, чем от самих слов.

— Я тебя услышала. Теперь мне нужно идти.

Я не стала ждать ответа и почти бегом направилась обратно к входу в издательство. Только оказавшись за стеклянной дверью, рядом с охранником и коллегами, я позволила себе обернуться. Кирилл ещё несколько секунд стоял у машины, глядя мне в след, а затем сел за руль и резко уехал.

Выключить запись получилось не сразу, руки так дрожали, что я несколько раз промахнулась по экрану. Я прислонилась к стене возле гардероба и просто ждала, пока перестанет стучать в висках. Никакой победительницей я себя не чувствовала. Мне хотелось просто свернуться калачиком и оказаться на Зоиной кухне. Но я не села в его машину, не начала извиняться и не пообещала «подумать». На сегодня

этого было более чем достаточно.

Дома я обнаружила, что в спешке всё-таки забыла купить хлеб. Зоя выслушала моё сбивчивое извинение, один раз внимательно посмотрела на моё бледное лицо и, ничего не спрашивая, просто поставила передо мной тарелку с ужином.

— Садись и ешь. По тебе видно, что день был богатый на события, а обед — нет.

— Обед был, — попыталась я улыбнуться. — Инна булочку привезла.

— Передай Инне моё спасибо, но булочка вечером тебя от котлеты не освобождает, — Зоя строго посмотрела на меня, хотя в глазах была теплота.

Я съела несколько ложек, почти не чувствуя вкуса, а затем положила телефон на стол.

— Кирилл ждал меня у издательства. Я записала наш разговор.

Зоя перестала вытирать чашку и замерла.

— Он тебя трогал? — в её голосе прозвучала сталь.

— Нет. Хотел, чтобы я села в машину, но я отказалась. Постояла потом внутри, пока он не уехал.

Она кивнула и молча подвинула ко мне чай. Я включила запись. На кухне голос Кирилла звучал непривычно громко и

даже как-то вульгарно. Когда он заговорил о своей «заботе», Зоя потянулась к телефону, чтобы выключить этот бред, но я её остановила.

— Дослушай, пожалуйста. Там ближе к концу он говорит про своего отца и квартиру.

Мы обе замолчали, вслушиваясь в каждое слово. Когда запись дошла до момента с документами, я остановила её и посмотрела на крёстную. Зоя сидела, крепко прижав пальцы к краю стола, и хмурилась.

— Ты знала, что его отец занимался оформлением моих документов?

— Я знала, что он помогал с бумагами, Вера. Но не в таких подробностях. Тогда всё делалось через связи, мне советовали обратиться к нему как к профессионалу... — Зоя осеклась и с тревогой посмотрела на меня. — Вера, клянусь, я не знала, что это может обернуться чем-то подобным.

— Я не обвиняю тебя, родная. Просто пытаюсь понять, что именно он имел в виду под «оформил».

Она взяла телефон, перемотала запись назад, и мы послушали этот кусок ещё раз. Раньше я бы зацепилась за то, каким раздражённым тоном Кирилл со мной разговаривал, но сейчас я вслушивалась в другое: *«Отец всё оформил ещё тогда»*.

— Получается, он знал об этих документах с самого начала, — тихо сказала я. — И, возможно, видел их задолго до того, как мы начали встречаться.

— Возможно, — осторожно ответила Зоя. — Но пока мы не знаем точно, что именно он видел и что сделал его отец. Не будем фантазировать на пустом месте.

Я кивнула, хотя мысли уже неслись в пропасть. Кирилл так детально помнил нашу первую встречу, так сладко напомнил про дождь и мою сумку... Я тоже годами пересказывала эту историю как красивую сказку. Как не пришёл автобус, как удачно притормозила машина, как мне повезло встретить такого внимательного мужчину.

— А если он ещё до знакомства знал, кто я? — спросила я, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Из-за отца, из-за квартиры... Что если он не случайно тогда остановился?

Зоя не ответила сразу, и я была ей за это благодарна. Она не стала кормить меня пустыми утешениями, в которые сама не верила.

— Мы проверим всё, что можно проверить, — сказала она наконец. — А сейчас не смей решать, что все девять лет были одним сплошным обманом. Ты этого просто не знаешь.

Я опустила глаза. Мне было стыдно признаться, но именно этого я боялась больше всего. Не потерять жильё, не услышать очередную гадость, а обнаружить, что даже те крупницы нежности, за которые я держалась, значили для него совсем другое.

— Я ведь его действительно любила, Зой...

Она накрыла мою руку своей теплой ладонью.

— Знаю. Ты домой после первых свиданий приходила и

улыбалась так, что даже сапоги снимать забывала. Я ещё спрашивала, что у нас в прихожей такого смешного.

Я всхлипнула и неожиданно для самой себя рассмеялась.

— Он однажды весь вечер ходил с ценником на шарфе. Я заметила это ещё в ресторане, но постеснялась сказать. Потом даже думала, что если дойдёт до свадьбы, придётся признаться, что он был «со скидкой».

— Ну вот! Просто так никто ничего не уценяет — Зоя улыбнулась. — А ты любила живого человека с ценником на шарфе, а не квартиру и не какие-то там документы. За свои чувства тебе стыдиться абсолютно нечего.

Я вытерла глаза салфеткой. Зоя сидела рядом и не торопила меня. Фёдор в этот момент с грохотом сдвинул кормушку клювом и возмущённо свистнул на всю кухню.

— Единственный мужчина в этом доме, — вздохнула Зоя, — и тот считает, что ужин недостаточно хорош.

Телефон коротко завибрировал. От Андрея пришло сообщение:

«Ты добралась?»

Я посмотрела на эти два простых слова и почему-то снова едва не расплакалась. Написала в ответ: *«Да, у Зои. Кирилл приезжал на работу. Завтра хочу к юристу».*

Ответ пришёл почти мгновенно: *«Проводить?»*

Я долго задерживала палец над экраном. Сейчас хотелось согласиться на всё. Пусть приедет, заберёт, поговорит с этим юристом вместо меня. А потом я представила, как буду си-

деть рядом и просто ждать, пока мужчины решат, что делать с моей жизнью.

«Сначала сама. Но вечером позвоню, если можно».

«Можно. Буду ждать».

Я положила телефон экраном вниз и заметила, что Зоя смотрит на меня уже не так тревожно.

— Чай остынет, — сказала она с подозрительно невинным видом.

— Ты ничего не спросишь?

— Я воспитанная женщина. До второй чашки подожду.

Я улыбнулась и сделала глоток. Чай действительно был холодным, но торопиться мне было некуда.

Запись я сохранила в отдельную папку, чтобы утром не искать её среди файлов. На листке выписала все вопросы о квартире, добавила пункты про звонки на работу. Перечитала и решительно вычеркнула фразу «женился из-за наследства». Пока это был мой страх, а не факт.

— Завтра начну с юриста, — сказала я. — Покажу бумаги, дам послушать запись. Потом решим, что ещё нужно передать в полицию.

— Я поеду с тобой. Если захочешь зайти одна, подожду снаружи.

— Спасибо. Только давай, пожалуйста, без сковороды.

Зоя оскорблённо выпрямилась, как будто я её только что ударила.

— Между прочим, я ещё ничего не предлагала!

— А зачем косишься на плиту?

— Я могла просто вспомнить про завтрак! У женщины моего возраста должны оставаться хоть какие-то тайны.

Я засмеялась, а она забрала пустую тарелку. За окном снова пошёл дождь, Фёдор возился в клетке, а на столе лежал список вопросов, на которые мне предстояло получить ответы. Я всё ещё боялась, что Кирилл успеет испортить мне карьеру, что в старых бумагах найдётся что-то ужасное, что завтра я проснусь и снова захочу спрятаться под одеялом.

Зоя остановилась у мойки.

— Может, ещё чаю?

— Налей. И давай всё-таки сковороду оставим дома. Завтра я попробую сама за себя постоять.

— Возьмёшь сковородку сама? — тихо рассмеялась тётя.

— Нет, обойдёмся без сковородок. Можно же причинить вред словами.

Глава 9

Утром Зоя Михайловна выплыла из комнаты в фиолетовом пальто, которое я не видела на ней лет десять, в тёмных очках на пол-лица и в парике цвета спелой баклажанной сливы. Парик сидел криво, из-под него предательски выбивались седые пряди, но крёстная держалась с особым достоинством, будто перед ней расступалась охрана Кремля. Я стояла в прихожей с кружкой кофе и не могла решить, смеяться

мне или вызывать скорую.

— Ты куда так вырядилась? — наконец спросила я, с недоумением кивая на её наряд.

— Конспирация, дорогая моя, — ответила Зоя, важно поправляя очки и выпрямляя спину. — Мы едем в архив по делу, которое напрямую касается семьи твоего мужа, и я не намерена светиться. Не хочу, чтобы меня узнали и передали информацию этому нарциссу с его маман.

— Тебя в этом парике не узнает даже твоё отражение в зеркале, — я не выдержала и хмыкнула. — Оно, скорее всего, уже вызвало полицию, чтобы сообщить о нападении на приличную женщину.

Зоя поджала губы и сняла очки, глядя на меня с искренним упрёком.

— Вера, ты понимаешь, что всё серьёзно? Если Бессоновы пронюхают, что мы копаем под их старые связи, Кирилл начнёт замечать следы быстрее, чем ты успеешь сказать «развод». А так я просто эксцентричная дама, которая пришла в архив почитать газеты и подышать пылью. Люди будут смотреть на меня и забудут, зачем пришли. Может сфоткаю, чтобы передать своё возмущение другим.

— В парике и с перевернутой газетой, которую ты сжимаешь в руках вверх ногами, — заметила я, стараясь сдержать смех.

Она опустила взгляд на свёрток в руках и нахмурилась, но быстро нашла оправдание, гордо вскинув подбородок.

— Зато все точно будут смотреть на меня. Никто не заподозрит, что где-то, в недрах архивах ты ищешь правду. Логика железная, Вера, просто ты слишком привыкла к скучным людям.

— Логика, может, и железная, но парик всё-таки поправь, он сползает на левое ухо, — я подошла ближе, чтобы помочь, но Зоя вдруг сдёрнула искусственные волосы и с размаху бросила их на тумбу.

— Всё равно он чешется, — проворчала она, облегчённо вздохнув. — Поеду в своём берете. В конце концов, я не шпионка в тылу врага, а родня, которая сопровождает племянницу в культурное учреждение. А правду, между прочим, подозревают меньше всего.

Я не стала спорить. За последние дни я усвоила, что пытаться переубедить Зою в её методах, всё равно что просить Фёдора не орать по утрам. Можно потратить час, но результат будет нулевым.

Андрей ждал нас у подъезда. Когда Зоя вышла в своём берете с огромной сумкой и той самой газетой, он бросил на неё короткий взгляд и, к его чести, даже бровью не повёл. Только когда она с торжествующим видом устроилась на заднем сиденье, Андрей тихо спросил, чуть повернув голову в мою сторону:

— Она всегда так детально готовится к поездкам? Или это какой-то особый ритуал перед штурмом архива?

— Только к тем, где есть риск встретить врагов народа

или очень вредных библиотекарей, — ответила я, чувствуя, как от его близости по коже пробегают мурашки.

— Понял. Тогда постараюсь не задавать лишних вопросов и просто везти вас, пока нас не арестовали за чрезмерную эксцентричность, — он усмехнулся, и эта наглая, уверенная улыбка заставила моё сердце пропустить удар. Кирилл всегда был серьёзным, а этот мужчина как ящик Пандоры, никогда не знаешь, чем от меня ошарашит, своей обворожительной улыбкой или блеском тёмных глаз с янтарными бликами.

Я села вперёд и пристегнулась, ощущая, как в салоне становится тесно от его присутствия. Андрей завёл машину, и мы выехали на мокрую дорогу. Мне было не понятно, почему он помогает, есть ли у него какая-то корыстная цель, но спрашивать я не решалась, ведь мне сейчас пригодилась бы любая помощь. С Андреем мне было даже спокойнее, несмотря на его загадочное поведение.

— В архиве нам нужны документы по наследственному делу Лавровых, — сказала я, глядя в окно на серые улицы. — И всё, что касается юридической конторы, которая вела оформление. Если там есть хоть одна зацепка, связывающая их с Кириллом, мы её найдём.

— Я запросил опись заранее, чтобы мы не тратили время на пустые поиски, — ответил Андрей, уверенно перестраиваясь в другой ряд. — Часть дел уже подняли, остальное обещали подготовить к нашему приезду.

— Ты им звонил? — я с удивлением посмотрела на него.

— Написал официальный запрос. Без лишних подробностей, чтобы не поднимать шум, — он мельком взглянул на меня, и я заметила, как напряглись его пальцы на руле. В этом мужчине жила какая-то первобытная решительность, которая одновременно пугала и притягивала.

— И что же ты указал в этом запросе, чтобы они не заподозрили неладное?

— Что интересуюсь документами по наследственному делу. Твоё имя, номер дела и стандартное основание — восстановление семейной истории. Звучит почти безобидно, правда?

— Неплохо. Ты действительно умеешь делать вещи незаметными, когда тебе это нужно, — я поймала его взгляд, и между нами на мгновение вспыхнуло то самое напряжение, от которого перехватывает дыхание.

Зоя сзади громко хмыкнула, не отрываясь от газеты. Я покосилась на неё в зеркало заднего вида и увидела, что газета снова перевёрнута. Теперь я была уверена, что это не случайность, а способ показать Андрею, кто здесь главный по части конспирации.

— Зоя, ты вообще читаешь или просто создаёшь видимость? — не выдержала я.

— Я блюду, Верочка, — невозмутимо ответила она, даже не подняв глаз.

Андрей с улыбкой коротко взглянул на меня, что я сама

едва не рассмеялась.

— Интересная у вас семья, — сказал он, не скрывая искренний интерес.

— Ты даже половины не знаешь, Андрей. Поверь, это только начало нашего приключения, — ответила я, чувствуя уверенность идти вперёд.

Мы вошли в читальный зал архива. Архивариус — сухая женщина с тугим пучком на затылке с подозрением оглядела нашу компанию. Зоя, как всегда, держала фасон. Она сняла берет, аккуратно пригладила волосы и с видом высокопоставленного чиновника уселась за дальний стол, демонстративно разложив перед собой газету. Андрей занял место у окна, облокотившись о подоконник с тем самым видом хозяина жизни, который обычно бесит государственных служащих. Я же, стараясь не дышать слишком громко, подошла к стойке.

— Лаврова, наследственное дело, — выдохнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мне сказали, что документы уже подготовили.

Архивариус медленно сверилась с журналом, поджала губы и посмотрела на меня как на досадное недоразумение.

— Часть материалов выдана, милочка. Остальное нахо-

дится в хранилище, доступ туда ограничен, — отчеканила она, даже не поднимая глаз.

— Что значит ограничен? — я почувствовала, как внутри начинает закипать раздражение. — Я законный наследник, мне нужны мои бумаги.

— Дело старое, листы крошатся, — женщина наконец посмотрела на меня с плохо скрываемым пренебрежением. — Нужно специальное разрешение на работу с оригиналами. Копии снимаются только после проверки состояния, а это, знаете ли, занимает время.

Я сжала кулаки. Кирилл годами приучал меня ждать, особенно его настроения, ждать его одобрения, ждать, пока он соизволит заметить моё существование. Но сейчас эта привычка сменилась острой, почти физической злостью. Его версия событий расползлась по моей жизни, как жирное пятно по скатерти, и я больше не собиралась быть вежливой.

Андрей подошёл сзади, и я кожей почувствовала исходящий от него жар. Он встал так близко, видимо ситуация не терпела правил приличия.

— Мы готовы подождать, — произнёс он своим низким, уверенным голосом, который обычно не оставлял собеседнику выбора. — Но давайте сэкономим время. Может, вы дадите нам опись прямо сейчас? Мы поймём, что именно нам нужно, и вы не будете бегать в хранилище по десять раз.

Архивариус перевела взгляд с него на меня. В её глазах промелькнула привычная схема. Она пыталась понять, кто

здесь главный и на кого можно надавить. Я не дала ей этого шанса и шагнула вперёд, перебивая её возможный отказ.

— Опись — это отличный вариант, — отрезала я. — И ещё мне нужны сведения о юридической конторе, которая вела дело. Журналы регистрации, карточки, в общем всё, что у вас есть.

— Это уже другой фонд, — вздохнула женщина, сдаваясь под напором. — Придётся уточнять.

— Уточняйте, я никуда не тороплюсь, — соврала я, чувствуя, как в груди ворочается ржавый гвоздь тревоги.

Когда она скрылась в подсобке, Андрей наклонился к самому моему уху, обдав кожу горячим дыханием.

— Не дави на неё так сильно, Вера. Такие женщины живут этим чувством власти над посетителями, если их торопить, закроют доступ на неделю.

— Я не давлю, я просто уточняю свои права, — огрызнулась я, хотя сердце предательски заколотилось от его близости.

— У тебя сейчас такое лицо, будто ты готова лично выломать дверь в хранилище и забрать всё, что плохо лежит, — он тихо усмехнулся, и я почти физически почувствовала, как он забавляется, наблюдая за моей яростью.

— Если понадобится, то выломаю, — бросила я, стараясь не смотреть в его насмешливые глаза.

Он коротко рассмеялся и отступил, давая мне пространство, но я всё равно чувствовала его взгляд на своей спи-

не. Через несколько минут архивариус вернулась с тонкой папкой, которую с видом величайшей милости положила на стойку.

— Вот опись. Документы по наследственному делу Лавровых. Часть можно заказать в зал, остальное только через запрос.

Я схватила папку и почти бегом вернулась за стол. Зоя тут же отложила газету, её глаза за стёклами очков азартно блеснули. Андрей остался стоять у окна, но я знала, что он следит за каждым моим движением. Первые несколько листов были скучной рутинной. Там были заявления, справки, печати. Я листала их быстро, пока на пятой странице не замерла.

— Вот оно, — прошептала я, тыча пальцем в бумагу. — Отчёт об оценке имущества. Смотрите, сумма в приложении вообще не совпадает с основной страницей.

Зоя придвинулась ближе, едва не смахнув со стола стакан с водой.

— И на сколько же? — спросила она, щурясь.

— Почти на треть! В основном тексте одна цифра, а в приложении другая.

Андрей оказался рядом мгновенно. Он навис над нами, и я снова почувствовала это странное интимное напряжение, смесь раздражения и необъяснимого притяжения. Вот как он это делает?

— Можно? — спросил он, и его рука на мгновение коснулась моей ладони, когда он забирал папку.

Я не отстранилась. Он несколько секунд изучал страницы, прищурившись, а затем указал на край листа.

— Здесь следы замены. Бумага чуть плотнее, и нумерация сбита. Похоже, этот лист вшивали позже, когда основные документы уже были в архиве.

— Ты уверен? — я посмотрела на него с недоверием.

— Почти. Если поднести к свету, увидишь, что перфорация не совпадает.

Я взяла документ и подошла к окну. Свет проходил сквозь бумагу неровно. Дырочки от подшивки на этом листе были пробиты чуть ниже, чем на остальных. Я медленно опустила руки и посмотрела на Андрея.

— Ты это сразу заметил? — тихо спросила я.

— Нет, сначала прочитал текст, — он чуть улыбнулся, и эта улыбка была почти хищной. — А потом увидел, что страница выбивается. Похоже, мы оба не зря потратили утро.

Я вернулась к столу, чувствуя, как внутри всё вибрирует от осознания. Кирилл не просто обманул меня, он выстроил целую систему лжи, которая тянулась из прошлого. В конце описи я обнаружила карточку юридической конторы. Название было мне незнакомо, но адрес совпадал с тем, что я видела в старых бумагах отца.

— Та же контора, — сказала я, чувствуя, как пазл начинает складываться. — И тот же канцелярский оборот, что и в нынешней доверенности Кирилла.

— Думаешь, эти ребята всё ещё работают? — Андрей сло-

жил руки на груди, подчёркивая свои массивные плечи.

— Проверим. Если работают, я вытрясу из них всё, что они знают.

Андрей не стал спорить или пытаться снова решить всё за меня. Он просто стоял рядом, и это было странно приятно, как будто мы наконец-то научились идти в одном темпе, а не соревноваться, кто кого перетянет.

— Я пойду закажу копии, — сказала я, поднимаясь.

— Я подожду здесь, — ответил он, провожая меня взглядом.

Когда я отошла достаточно далеко, Зоя, которая всё это время молча наблюдала за нами, тихо произнесла:

— Вы ей нравитесь, Андрей, но она слишком гордая, чтобы признать это сейчас.

Андрей буквально поперхнулся воздухом.

— Простите? Что вы сказали?

— Я говорю, что вы ей нравитесь, — Зоя снова взяла газету, но теперь держала её правильно. — Но если вы снова включите своего «великого решалу», то всё закончится, не начавшись.

— Я не собираюсь решать за неё, — буркнул он, хотя в голосе слышалось замешательство.

— Ой, не придуривайся. А то я вас знаю, сначала поможете с архивом, потом перевезете к себе в особняк, а через месяц будете вместе выбирать обои в спальню. И вообще, лицо у тебя знакомое, я тебя уже видела, только не помню где. Но

вот то, что ты был кажется не такой раскоченный и моложе.

— Город большой, я много где бываю. Вы, я заметил, тоже на месте не сидите.

Андрей посмотрел на неё долгим, озадаченным взглядом, но развивать эту тему не стал. Зоя же с видом абсолютно-го спокойствия снова погрузилась в статью о ремонте дорог, хотя я была уверена, что она сейчас буквально светится от собственного остроумия. Но подозрительные взгляды на Андрея кидала.

Архивариус выдала нам пропуска и почти брезгливо проводила к двери хранилища. Внутри было так холодно, что зубы начали выстукивать чечётку, а в нос ударил густой коктейль из пыли. Стеллажи уходили куда-то в бесконечность, оставляя между собой узкие щели, что два человека могли разойтись здесь только в том случае, если один из них решит слиться со стеной.

— Дело Лавровых на третьем ярусе, — архивариус кивнула в сторону крутой лестницы, её голос звучал так, будто она делает нам огромное одолжение, просто позволяя дышать этим затхлым воздухом. — Я провожу, чтобы вы тут ничего не перепутали.

Зоя осталась в читальном зале, заявив, что у неё «важная миссия» по охране наших сумок. Я была уверена, что крёст-

ная просто не пожелала карабкаться по железным ступеням в своём любимом берете, рискуя выглядеть менее чем безупречно.

Проход между полками оказался настолько тесным, что нам с Андреем пришлось буквально вжиматься друг в друга, двигаясь боком. Я кожей чувствовала его плечо и слышала сбитое дыхание. Сердце предательски ускорило ритм, и я в очередной раз разозлилась на себя за эту глупую реакцию.

— Здесь всегда так тесно или это специальное испытание для посетителей? — спросила я, пытаюсь разбить эту густую, почти осязаемую тишину.

Андрей усмехнулся, и я почувствовала, как вибрация его смеха передалась мне через соприкасающиеся плечи.

— В старых архивах всё так. Раньше архитекторы не особо заботились о комфорте исследователей, считая, что истина открывается только тем, кто готов потесниться.

— Или они просто решили, что все, кто ищет правду, должны быть максимально тощими, — парировала я, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Тогда я бы здесь точно застрял, — Андрей нагло придвинулся ещё ближе, фактически прижимая меня к стеллажу, и в его голосе проскользнула та самая уверенность мужчины, который привык забирать всё пространство вокруг себя.

Я покосилась на него, чувствуя, как к щекам приливает жар.

— Зато теперь понятно, почему архивариусы такие злые. Они просто охраняют свои узкие проходы от таких наглых захватчиков, как ты.

— И от тех, кто задаёт слишком много вопросов, Вера. Хотя, признаю, в твоём случае это выглядит чертовски привлекательно.

Мы наконец добрались до нужного места. Архивариус с видом мученицы достала коробку и с грохотом поставила её на узкий столик. Внутри лежали пожелтевшие папки, перевязанные выцветшими тесёмками.

— Вот дело Лавровых, — проскрипела женщина, строго глядя на нас. — Смотрите аккуратно, листы старые, не вздумайте их сгибать или, упаси боже, чихнуть на них.

Я начала перебирать документы, стараясь игнорировать присутствие Андрея, который стоял слишком близко. Я и так чувствовала его взгляд на своём затылке.

— Ты чего такой напряжённый? — спросила я, не поднимая головы от бумаг. — Обычно ты ведёшь себя так, будто владеешь всем этим зданием вместе с архивариусом.

— Здесь душно, и вентиляция сдохла ещё при Брежневе, — буркнул он, хотя по его тону было понятно, что дело вовсе не в воздухе.

— Это архив, Андрей, а не спа-салон с ароматомассажем. Смирись.

Я нашла отчёт об оценке, о котором мы спорили в зале. Сумма в приложении действительно отличалась от той, что

была в основном документе. Я быстро достала телефон и начала фотографировать страницы, стараясь делать это незаметно.

— Ты же помнишь, что здесь нельзя снимать без официального разрешения? — тихо напомнил Андрей, хотя в его голосе не было ни капли осуждения, скорее азарт сообщника.

— Помню, но разрешение мы получим тогда, когда нам станет скучно. А пока пусть будет.

Он коротко взглянул на дверь, за которой скрылась надзирательница, и вдруг придвинулся к моему уху, обжигая кожу дыханием.

— Если нас поймают, я скажу, что это я заставил тебя фотографировать. В конце концов, я здесь главный нарушитель спокойствия.

— Не надо, я сама справлюсь, — я попыталась отстраниться, но он лишь крепче зафиксировал свою позицию. — И вообще, я не собираюсь попадаться, так что побереги своё благородство для кого-нибудь другого.

Среди бумаг я вдруг наткнулась на старую квитанцию. Сердце пропустило удар, это была та самая бумажка, которую я видела в чемодане Ларисы Аркадьевны. Только здесь был оригинал с живой печатью.

— Смотри сюда, — я протянула документ Андрею, и мой голос слегка дрогнул. — Та же контора. И дата за два года до того, как я вообще встретила Кирилла.

Андрей взял квитанцию, внимательно изучая её, и его лицо мгновенно стало жестким.

— Значит, его отец действительно засунул свои руки в твоё наследство ещё до того, как Кирилл решил, что ты подходящая партия для его коллекции.

— И, скорее всего, именно тогда в документах появились эти «случайные» исправления, — я почувствовала, как внутри всё закипает от осознания масштаба обмана.

Мы посмотрели друг на друга. В тусклом свете ламп его глаза казались почти чёрными, лишь янтарные вкрапления принимали на себя блики тусклого света.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он, и в его голосе прозвучала сталь.

— Понимаю. Если всё это было спланировано, значит, квартира была оформлена не по закону, а по сценарию семьи Бессоновых.

— Именно. Кирилл не просто решил её продать сейчас. Он считает, что эта квартира принадлежит его семье по праву какой-то их внутренней, извращённой логики. Он нарцисс до мозга костей, и он никогда не отдаст то, что считает своим, даже если это украдено.

Я снова склонилась над коробкой, но буквы начали расплываться. В голове всплыли слова Кирилла о том, что его отец «всё оформил». Неужели весь мой брак был просто прикрытием для этой сделки? Неужели я была всего лишь удобным инструментом, чтобы держать квартиру в семье?

— Вера, — Андрей тихо позвал меня, и когда я подняла на него взгляд. Это не была жалость или желание спасти «бедную сиротку». Это было искреннее, почти робкое внимание, которое он пытался скрыть за своей обычной наглостью.

— Что?

— Ты в порядке? Ты сейчас выглядишь так, будто готова либо разрыдаться, либо сжечь этот архив дотла.

Я хотела ответить что-то резкое, но в горле вдруг пересохло, а сердце снова забилося в каком-то рваном ритме.

— Не знаю, — честно призналась я. — Кажется, я только что нашла ещё одну причину ненавидеть свою жизнь и всех, кто в ней участвовал.

— Ты не виновата в том, что вокруг тебя были одни хищники, — он сделал шаг ближе, почти касаясь меня.

— Но я позволяла им это делать. Я была слепой.

— Ты доверяла, Вера. Это не слепота, это нормальное человеческое качество. Просто ты встретила людей, для которых доверие — это слабость, которой нужно пользоваться.

Я резко отвернулась, чтобы он не заметил, как у меня заблестели глаза. В груди ворочалось странное, болезненное чувство, а именно смесь ярости и бессилия.

— Давай закончим здесь, — отрезала я. — Мне нужно подумать.

Мы вернулись в зал, где Зоя сидела с видом, будто она здесь главный идеолог и только что закончила переписывать

историю мира. Увидев нас, она сняла очки и прищурилась.

— Ну что, детективы? Нашли клад или только пыль?

— Нашли кое-что, — я тяжело опустилась на стул. — Но, кажется, этот клад проклят.

Зоя перевела взгляд на Андрея, потом снова на меня, и её лицо стало серьёзным.

— Ладно. Поехали домой. Я сварю какао и достану из за-начки шоколад.

— Ты же говорила, что он кончился, — я слабо улыбну-лась.

— Я говорила, что он кончился для гостей, дорогая. Для тебя всегда найдётся секретный запас.

Зоя встала, поправила берет и направилась к выходу. Андрей задержался у стола, глядя на меня с тем самым выра-жением, которое заставляло меня чувствовать себя незащи-щённой.

— Я отвезу вас, — предложил он, и в этом не было во-проса, только утверждение.

— Не нужно, Андрей. Мы на такси. Ты и так нам помо-гаешь.

— Вера, не упрямысь. На улице холодно, и ты неважно выглядишь. Упадёшь ещё в клумбу.

— Правильно! Пусть лучше тебе в руки падает, — не удержалась Зоя, но деликатно вышла.

— Андрей, я правда благодарна за помощь. Но сейчас мне нужно побыть одной. Точнее, с Зоей, — я пыталась отказать-

ся от его помощи. Мне и так было неловко находиться в его компании.

Он кивнул, и в его глазах на мгновение мелькнуло разочарование.

— Я позвоню вечером. Если ты, конечно, не заблокируешь меня в порыве праведного гнева.

— Посмотрим.

Я вышла из зала, не оборачиваясь. Зоя ждала меня у лестницы, многозначительно приподняв бровь.

— Ты ему хоть спасибо сказала? — спросила она.

— Сказала.

— А он? Он тебя проводил?

— Предложил. Я отказалась.

Зоя только покачала головой, но ничего не добавила. Когда мы сели в такси, я долго смотрела на капли дождя, стекающие по стеклу, а потом тихо позвала крёстную.

— Зоя... Ты что-то знаешь о наследстве родителей. Что-то, о чём не говорила все эти годы.

Она долго молчала, глядя в окно, а потом медленно сняла берет и положила его на колени.

— Знаю, — тихо ответила она. — И, наверное, пришло время перестать врать.

Я повернулась к ней и увидела в глазах Зои то, чего не ожидала увидеть никогда. Настоящий, глубокий страх.

— Это как-то связано с отцом Кирилла?

— Да. Но не только с ним, Вера.

— А с кем ещё?

Зоя посмотрела мне прямо в глаза, и её голос стал почти шёпотом.

— С твоим отцом. И с тем, что он сделал незадолго до смерти.

Глава 10

Андрей стоял на бетонных ступенях архива, скрестив руки на груди, и смотрел вслед желтому такси, которое медленно растворялось в сером мареве октябрьского дождя. В воздухе всё ещё витал запах парфюма Веры, чего-то едва уловимого, чистого и сладкого, что теперь смешивалось с запахом дождя. А дождь пошёл не вовремя, но Андрей его уже не замечал.

Он чувствовал странную, почти физическую пустоту в груди. В узком проходе между стеллажами, когда он почти касался её плечом, Андрей ощутил то, чего не позволял себе годами, а именно желание просто притянуть её к себе и закрыть от всего этого грязного мира. От Кирилла, от лживых документов, от этого проклятого архива. Но он вовремя отступил. Он знал, что сейчас любое его движение, любое проявление защиты будет воспринято ею как очередная попытка занять место главного тирана в её жизни. И это бесило его до скрежета зубов.

Андрей закрыл глаза, и на мгновение шум города исчез.

Он снова увидел тот день двенадцать лет назад. Визг тормозов, оглушительный грохот металла и крики, которые до сих пор иногда возвращались к нему в кошмарах. Автобус перевернулся на проспекте, превратившись в груды искореженного железа. Андрей тогда был молод, слишком горяч и совершенно не думал о собственной безопасности. Он бросился в этот хаос, вырывая людей из ловушек.

Среди обломков он увидел её. Бледная, с разбитым лбом, она казалась почти прозрачной на фоне серого бетона. Он тогда не знал, что она — дочь Николая Лаврова, своего начальника, в прошлом. Он просто видел девушку, которая умирала у него на руках. Андрей вытащил её, прижал к себе, пытаясь согреть, и всё то время, пока их везли в больницу, не выпускал её ладонь из своей. Она была без сознания, не знала, кто её спас, но он помнил каждое её движение, каждый судорожный вдох.

А потом была кровь. Врачи сказали, что ситуация критическая, нужно срочное переливание, а подходящих доноров в базе нет. Андрей не раздумывал ни секунды. Он буквально заставил их взять свою кровь, чувствуя, как она перетекает в её вены, связывая их какой-то невидимой, почти мистической нитью. К счастью, его кровь подошла Вере. Видимо его упрямство заставило сдаться саму Вселенную и дать шанс на её спасение именно ему. И он стал её частью, буквально, но так и не успел стать кем-то значимым в её жизни.

Стажировка за границей, годы учебы, амбиции... Пока он

строил карьеру в Европе, Николай Лавров погиб в ДТП. А потом появился Кирилл. Когда Андрей вернулся в Москву, он обнаружил, что Вера уже замужем за этим глянцевым подонком. Он видел, как Бессонов медленно, слой за слоем, снимает с неё уверенность, превращая её в тень самой себя. Андрей наблюдал со стороны, сжимая кулаки до белых костяшек, но не вмешивался. Он считал, что она должна сама найти в себе силы.

Теперь он понимал, что ошибся.

Андрей решил не ехать в офис. Ему нужно было пройтись, вытрясти из головы этот липкий коктейль из воспоминаний и ярости. Он медленно побрел по скверу, глядя, как листья липнут к мокрому асфальту.

— Северин! — резкий, почти визгливый окрик заставил его остановиться.

Андрей обернулся. Кирилл буквально вылетел из-за поворота, его лицо было красным, а глаза горели той самой смесью злости и паники, которую он обычно прятал за маской вежливости. Он подлетел к Андрею почти агрессивно, нарушая все границы личного пространства.

— Ты что лезешь, а? — Кирилл почти задыхался, его голос дрожал. — Думаешь, если она сейчас в истерике, то ты можешь просто прийти и забрать её? Или квартиру?

Андрей даже не шелохнулся. Он смотрел на Кирилла с таким ледяным спокойствием, что тот на секунду запнулся.

— Ты всё ещё думаешь, что эта игра про квартиру, Ки-

рилл? — тихо спросил Андрей. — Ты даже не представляешь, насколько ты проиграл.

— Мне плевать на твои загадки! — выплюнул Бессонов, сжимая кулаки. — Я не отдам её. И квартиру не отдам. Это моя семья, мои правила. Ты для неё просто временное развлечение, какой-то благородный рыцарь на час. Она вернется ко мне, потому что без меня она никто. Ничтожество, которое не может даже утку запечь!

Андрей медленно усмехнулся. Эта усмешка была страшнее любого крика. Он сделал один шаг вперед, заставляя Кирилла инстинктивно отшатнуться.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Бессонов? Ты считаешь, что владеешь людьми, потому что умеешь ими манипулировать. Но ты забыл одну вещь, когда человек наконец просыпается, он первым делом выкидывает из жизни всё, что напоминает ему о кошмаре.

Андрей наклонился к самому лицу Кирилла, его голос стал вкрадчивым, почти шепотом, от которого по коже пробегают мороз.

— Ты так боишься её потерять, что готов уничтожить её карьеру и репутацию. Это жалко. И если ты продолжишь в том же духе, я обещаю тебе одну вещь, что я соберу всё. Вообще всё. Твои счета, твои связи, твою репутацию. Я сделаю так, что даже твоё имя будет принадлежать мне. Ты будешь спрашивать у меня разрешения, чтобы просто вдохнуть воздух в этом городе.

Кирилл открыл рот, чтобы что-то ответить, но слова застряли у него в горле. В глазах Андрея не было ненависти, лишь холодная, расчетливая уверенность хищника, который уже загнал добычу в угол.

— Свободен, — бросил Андрей и, не дожидаясь реакции, спокойно пошел дальше по аллее, оставив Кирилла одного под холодным дождем.

Дождь за окном превратился в сплошную стену воды, и огни ночной Москвы расплывались по стеклу грязными пятнами. Я сидела на кухне у Зои, обхватив ладонями остывшую чашку, и слушала, как в тишине гудит старый холодильник. Внутри меня всё сжалось в тугий узел, было слишком тихо для человека, который только что заподозрил, что последние десять лет его жизнь была чьим-то детально прописанным сценарием. Зоя стояла у плиты спиной ко мне и с каким-то нарочитым усердием помешивала какао, так что ложка звякала о дно кастрюли в рваном, нервном ритме.

— Ты обещала рассказать всё сразу, — напомнила я, и собственный голос показался мне чужим. — Мы приехали, выпили по чашке, ты даже успела покормить эту вредную птицу. Зоя, я больше не хочу играть в «угадай, что я скрываю». Просто выложи всё как есть.

Зоя медленно выключила плиту, вытерла руки полотен-

цем и наконец повернулась. В её глазах стояло то самое выражение, когда она сообщила мне о гибели родителей. Тогда она тоже долго молчала, а потом заговорила так тихо, что мне пришлось буквально вслушиваться в каждое слово.

— Я должна была сказать тебе гораздо раньше, милая, — произнесла она, тяжело опускаясь на стул напротив. — Но я всё время находила причины отложить этот разговор. Сначала ты была слишком маленькой, потом казалась такой счастливой в этом своём розовом облаке с Кириллом, а потом была просто выжата как лимон. А если честно... я просто трусила. Боялась, что ты возненавидишь меня за то, что я всё знала и молчала, пока ты строила жизнь с этим чудовищем.

Я сжала чашку крепче, и горячий фарфор обжёг ладони, но я даже не шелохнулась. Эта резкая физическая боль была даже приятной, она возвращала меня в реальность, не давая провалиться в вязкую пустоту.

— Зоя, пожалуйста, без этих предисловий, — я посмотрела ей прямо в глаза. — Кирилл годами кормил меня полуправдой и внушал, что я без него пропаду. Я больше не хочу жить в тумане, даже если правда окажется дерьмом.

Она кивнула, устало провела ладонью по лицу и заговорила осторожно, словно ступала по тонкому льду.

— Когда твои родители погибли, оформлением наследства занимался не какой-то случайный юрист из справочника. Это был отец Кирилла, Виктор Бессонов. Он тогда считался очень солидным специалистом, и твой отец доверял

ему безоговорочно. Никто из нас и подумать не мог, что это доверие обернётся против семьи. Часть денег, которые по праву должны были достаться тебе, просто испарилась через фиктивные расходы: какие-то левые оценки, экспертизы, посредники. Тогда я не понимала, что происходит, списывала всё на бюрократическую волокиту и глупо ждала, что всё утрясётся. А когда всё вскрылось, было уже поздно.

— Что значит «вскрылось»? — мой голос прозвучал глухо, почти безэмоционально.

— Твой отец начал задавать вопросы, — Зоя замялась, подбирая слова. — Он заметил, что суммы в документах не сходятся, что всё оформлено как-то криво. Он пошёл к Виктору, они сильно поссорились, буквально переругались в пух и прах. А через две недели твои родители погибли в той аварии.

Я смотрела на Зою и не понимала, почему она говорит об этом так спокойно, пока не заметила, что её пальцы мелко дрожат.

— Ты хочешь сказать, что та авария не была случайностью? — спросила я, едва шевеля губами.

— Я не знаю. У меня нет никаких доказательств, только смутные подозрения. Но после смерти твоего отца Виктор Бессонов внезапно исчез из города на какое-то время. А когда вернулся, вёл себя так, будто ничего не произошло, и всё осталось в прошлом.

Я резко отодвинула чашку и встала. Ноги стали ватными,

но я заставила себя подойти к окну. Там, за мокрым стеклом, была Москва — равнодушная и залитая неоном. Где-то в этом городе сейчас спал Кирилл, который, возможно, знал всё с самого первого дня нашего знакомства.

— А Лариса Аркадьевна? — я не оборачивалась, глядя на своё отражение в стекле. — Эта «святая» женщина тоже была в курсе?

Зоя тяжело вздохнула, и в этом вздохе было столько обречённости, что мне стало почти смешно.

— Лариса знала, где ты живёшь, ещё до того, как ты вообще увидела Кирилла. Она несколько раз невзначай спрашивала о твоей квартире, интересовалась, не хочешь ли ты её продать или сменить. Тогда я списала это на её обычное нарциссическое любопытство и желание всё контролировать. Теперь же я понимаю, что это был простой сбор данных.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Внутри всё кипело, но слёз не было, только ледяная ясность. Я вспомнила нашу первую встречу: тот же дождь, та же машина, его слишком точные, почти хирургические вопросы о моей семье. Он тогда спрашивал, кто мои родители, чем они занимались, где я живу. Я отвечала, потому что он казался таким искренним и внимательным. А он, оказывается, просто проводил инвентаризацию моих активов.

— Наша встреча не была случайностью, — прошептала я. — Он знал, кто я, ещё до того, как нажал на тормоз.

— Похоже на то, — тихо ответила Зоя.

Я резко обернулась, чувствуя, как гнев начинает вытеснять пустоту.

— И почему ты молчала?! Почему позволила мне выйти за него замуж, терпеть его выходки все эти годы?

Зоя опустила голову, и её плечи задрожали. В этот момент она выглядела такой маленькой и старой, что мне стало почти жаль её.

— Я боялась, что ты не поверишь. Ты была так влюблена, так светила от этого своего счастья. А у меня были только подозрения, обрывки старых разговоров и какие-то сомнительные бумаги. Я думала, что если скажу, ты просто оттолкнёшь меня, решишь, что я старая сплетница. А я не могла тебя потерять. Ты единственное, что у меня осталось в этом мире.

Её голос сорвался, и это добило меня сильнее любых признаний. Я снова села за стол, чувствуя, как внутри что-то с треском ломается. Не просто доверие к мужу, а доверие к собственной памяти, к тем девяти годам, которые я считала своей личной историей.

— Все берегли картинку, — сказала я, глядя в одну точку.
— Кирилл берег свой имидж идеального мужа, Лариса — статус своей семьи, ты — моё мнимое счастье. Только меня в этой красивой картинке никто не заметил.

Зоя всхлипнула и закрыла лицо руками, бормоча извинения, но я уже не слышала её. Внутри было пусто и холод-

но, как в том архиве, где мы несколько часов назад искали правду. Теперь правда нашла меня сама, и она оказалась куда грязнее, чем я могла предположить.

— Мне нужно побыть одной, — сказала я, поднимаясь.

— Вера, не уходи сейчас, давай всё обсудим, подумаем, что делать! — Зоя попыталась взять меня за руку.

— Я не могу, Зоя. Не сейчас. Мне нужно просто... подышать.

Я схватила сумку и вышла в прихожую. Фёдор издал какой-то жалобный, почти человеческий звук, будто просил меня остаться. Я на секунду замерла, глядя на этого глупого попугая, но потом всё-таки открыла дверь.

— Я вернусь, — пообещала я, не оборачиваясь.

Дверь за мной закрылась с глухим щелчком. Я спустилась по лестнице, вышла под ливень и просто остановилась. Вода мгновенно промочила волосы и потекла за воротник, но я не чувствовала холода. Я вообще почти ничего не чувствовала, только огромную, звенящую пустоту, в которой бесследно тонули все мои десять лет.

Я не знала, что делать дальше, но одно я понимала точно, что Кирилл Бессонов ещё не знает, что его идеальный сценарий только что сгорел к чертям.

Я брела по мокрым улицам, совершенно не разбирая до-

роги, и только то, что каблук предательски скользнул по плитке, не давало мне окончательно уйти в свои мысли. В голове, как в старом проекторе, крутились обрывки воспоминаний, но теперь картинка сменилась. Всё выглядело иначе, с каким-то зловещим подтекстом. Вот Кирилл, такой обходительный и внимательный, впервые приглашает меня на ужин и слишком уж детально, почти с допросом, слушает рассказ о моих родителях. Он с той самой «заботливой» улыбкой предлагает переехать к нему, аргументируя это тем, что мне незачем киснуть одной в огромной квартире.

А Лариса Аркадьевна с её приторным голосом, от которого до сих пор сводило зубы, в очередной раз намекает, не хочу ли я продать «эту старую двушку» и вложиться в семейный бизнес.

Тогда я только смеялась, искренне веря, что квартира — это святая память о родителях, а Лариса в ответ лишь поджимала губы, заявляя, что память не должна мешать живым. Сейчас эти слова звучали не как ворчание свекрови, а как приговор, который мне зачитывали десять лет. Телефон в кармане завибрировал, отвлекая от самобичевания. Несколько пропущенных от Зои и сообщение от Андрея: «Ты как? Зоя сказала, что ты ушла. Я могу приехать, если ты не хочешь быть одна». Я смотрела на экран, и в груди что-то болезненно сжалось. Андрей появился в моей жизни слишком внезапно, но слишком поздно, и хотя он был единственным, кто не пытался играть со мной в кошки-мышки, отве-

чать сейчас не хотелось. Мне нужно было выть, кричать или просто молчать, чтобы не сорваться и не наговорить лишнего.

Я убрала телефон и пошла дальше, пока дождь не превратился в настоящий ливень, пропитавший одежду до нитки. Где-то в районе Чистых прудов я просто остановилась под фонарём и задрала голову к небу, позволяя холодным каплям бить по щекам и смешиваться с теми слезами, которые я так долго и старательно прятала за маской «идеальной жены». Десять лет я послушно играла в чужом спектакле, где мне была отведена роль удобного дополнения к статусу Кирилла. Мимо прошла пара под зонтом, девушка смеялась, прижимаясь к парню, и я почувствовала, как внутри поднимается глухая зависть. Когда-то и я так смеялась, и даже этот дурацкий дождь казался мне верхом романтики, а не способом окончательно простудиться.

Я бессильно опустила на мокрую скамейку и закрыла глаза, но голос Кирилла всё равно прозвучал в голове: «Отец всё оформил ещё тогда». Значит, он знал. От этой мысли меня буквально затошнило, и я согнулась, обхватив себя руками, пытаясь справиться с подступающей паникой, пока шум дождя не стал единственным, что удерживало меня от полного распада на части.

— Вера! — голос был резким, властным, перекрывающим шум воды.

Я вздрогнула и подняла голову. Передо мной стоял Ан-

дрей, он был мокрый, взъерошенный, вид у него был такой, словно он только что прорвался сквозь все пробки Москвы. Андрей тяжело дышал, и от него шёл пар, как от разогретого двигателя.

— Ты как меня нашёл? — спросила я, и мой голос прозвучал жалко и хрипло.

— Зоя сболтнула, что ты ушла, — Андрей сделал шаг ближе, бесцеремонно вторгаясь в моё личное пространство. — А я знал, что ты пойдёшь именно сюда. Ты всегда приходишь на Чистые, когда тебе хочется почувствовать себя героиней какой-нибудь драмы.

Я смотрела на него с недоумением. Откуда он это знает? Мы ведь не были близки, по крайней мере, я так думала.

— Уходи, пожалуйста. Серьёзно, мне нужно побыть одной, чтобы окончательно не сойти с ума, — я попыталась отодвинуться, но он даже не шелохнулся.

— Нет, не уйду, — отрезал он и, не спрашивая разрешения, сел рядом, почти вплотную.

Он одним резким движением снял с себя пальто и накинул мне на плечи, и я почувствовала тепло его тела

— Ты вся дрожишь, как осиновый лист, — тихо сказал он, глядя мне прямо в глаза, и в его голосе проскользнула несвойственная ему мягкость. — И не надо сейчас ничего объяснять или пытаться быть сильной. Просто посиди со мной, пока не перестанешь трястись.

Я хотела что-то возразить, вернуть себе контроль над си-

туацией, но сил не осталось. Мы сидели вдвоём под ливнем и молчали. Андрей не лез с дурацкими вопросами, не пытался «спасти» меня своими советами, он просто был рядом, создавая своего рода живой щит от всего мира.

— Я узнала, что мой брак был просто бизнес-планом, — наконец произнесла я, глядя в пустоту. — Кирилл знал обо мне всё ещё до того, как мы познакомились. Его отец, оказывается, обчистил моих родителей. А я десять лет жила с человеком, который, скорее всего, женился на мне только ради этой квартиры. Ты даже не представляешь, как мне противно.

Андрей молчал, но я чувствовала, как напряглись его плечи, и сжались кулаки. Он слушал, не перебивая, и эта его сдержанная ярость была куда приятнее, чем жалость.

— И самое паршивое, — продолжила я, горько усмехнувшись, — что я сама не понимаю, где заканчивается правда и начинается моя феноменальная глупость. Я ведь верила ему. Каждому слову, каждому взгляду.

— Ты не глупая, Вера, — Андрей повернулся ко мне, и его лицо оказалось совсем близко. — Ты просто любила, а он оказался подонком, который умеет пользоваться чужим доверием. Это не твоя ошибка, это его диагноз.

В тусклом свете фонаря я увидела, как по его скуле стекает капля дождя. Мне вдруг безумно захотелось протянуть руку и стереть её, почувствовать его кожу, но я сдержалась, вцепившись в края его пальто.

— Почему ты здесь, Андрей? Тебе же должно быть плевать, что там происходит в семье Бессоновых, тебе даже выгодно, чтобы мы сцепились.

Он долго смотрел на меня.

— Потому что я не могу иначе, — ответил он, и его голос стал ниже, вибрируя от скрытого напряжения. — И, кажется, не мог уже очень давно. Вера, я...

Он оборвал себя на полу слове и резко отвёл взгляд в сторону, а я не нашла, что ответить. Просто сидела, укутанная в его тепло, и чувствовала, как внутри, под толстым слоем льда и боли, что-то медленно, очень медленно начинает оттаивать. Что он хотел сказать, меня уже не интересовало. Хватит с меня тайн, на сегодня.

Телефон снова завибрировал, на экране появилось сообщение от Зои: «Вера, прости меня. Я жду тебя дома. Я всё объясню».

Я прочитала текст и медленно убрала телефон. Андрей даже не попытался заглянуть в экран, он просто ждал моего решения. Его присутствие было единственным, что не давало мне окончательно рассыпаться в пыль прямо здесь, на мокрой скамейке.

— Поехали домой, — тихо сказала я. — К Зое. Мне нужно с ней поговорить, пока я не передумала и не вернулась к Кириллу просто из вредности.

— Поехали, — согласился он и поднялся, властно протягивая мне руку.

Я взяла её, и его ладонь оказалась обжигающе тёплой. На секунду мне показалось, что даже после десяти лет чужого, гнилого сценария, можно попробовать написать свой собственный. Мы пошли к машине, и я даже не обернулась назад. Впереди была Зоя с её тайнами, Кирилл с его нарциссизмом и целая жизнь, которую мне предстояло собирать по кусочкам. Но сейчас, в этот промозглый вечер, рядом был мужчина, который не побоялся промокнуть до нитки ради меня.

И, честно говоря, это было уже чертовски неплохо на сегодня.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.